

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

17

Мюнхен - Сан Франциско
1980

О Г Л А В Л Е Н И Е

В. Пирожкова. Афганистан.	1
А. Федосеев. Мировоззренческая суть программы НТС.	2
Э. Оганесян. Может ли быть террор справедливым?	8
Н. А. Нефедов. Джугашвили-Сталин — доктор Джекиль и мистер Хайд.	10
Д. Штурман. Американец на randevу с Россией.	13
Анатолий Кузнецов. Совесть — (окончание)	24
В. Рудинский. Обзор зарубежной печати.	27
Рецензия на книгу Б. Прянишникова «Незримая паутина»	33
Письма в редакцию:	
К аресту о. Димитрия Дудко.	36
Голос русского власовца	38
Кронштадт Ольги Берггольц	39

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

**Письма для редакции и подписку
просим впредь направлять по адресу:
Dr. Vera Piroscow, Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80, W. Germany.**

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

МЮНХЕН

№ 17 Июнь 1980.

САН ФРАНЦИСКО

В. ПИРОЖКОВА

АФГАНИСТАН

Все опять так же, как было везде там, где коммунизм приводил какую-либо страну «к общему знаменателю». Бомбы напалм падают на головы мирного населения, женщин и детей. Пулеметные очереди сметают все живое в непокорных деревнях, стариков, тех же женщин и детей, домашних животных. Отдельные спасшиеся бегут через границу Пакистана с ужасом в глазах и рассказывают, как была убита вся их семья, рассказывают о страшных пытках, которым подвергаются арестованные.

А под шум пулеметов и бомб, отвлекающих внимание мира, начался вывоз афганской интеллигенции, врачей, адвокатов, учителей и др. Слой афганской интеллигенции был и до того достаточно тонкий, много ее не было. Теперь ее начисто подметают, вывозят в советские концлагеря. Так было везде. Мне вспоминается рассказ Ю. Б. Марголина, как в Западной Белоруссии после ее оккупации в 1939 г. рабочие собрали несколько сот подписей в пользу арестованного адвоката, который очень часто помогал рабочим. Реакция «органов» была: этого адвоката ни в коем случае нельзя освободить, он опасен, он имеет влияние на рабочих. Прошло с тех пор больше 40 лет, но ничто не изменилось. Оно не изменилось и за 63 года: ведь прежде всего была подмечена интеллигенция в самой России, в той стране, которая первой попала под власть коммунизма.

Умный и в высшей степени опасный глава всей советской работы за границей Борис Пономарев отметил ко 110-летию юбилею дня рождения Ленина (22 апр. 1870 г.), что коммунисты продолжают действовать согласно тезисам Ленина, и им удалось с помощью политики сосуществования значи-

тельно сузить свободу движения западных держав. С наслаждением перечислил Пономарев те страны, которые в последние десятилетия попали в руки коммунистов: Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Южный Йемен, Никарагуа и Афганистан. Это все — примеры уменьшения влияния западных держав и усиления социалистического лагеря, — сказал Пономарев, — будущее принадлежит коммунизму. Ленинизм будет и в будущем путеводной нитью коммунистов, — добавил Пономарев, — «исторический оптимизм коммунистов-ленинистов имеет под собой основание». Не приходится удивляться самодовольству Пономарева. Успехи коммунистов, в самом деле, велики. Они жестоки и беззастенчивы, но и мастера рационалистического расчета. Они действуют согласно хорошо разработанному стратегическому плану дальнего прицела.

Афганистан не сдастся без боя. Время от времени поднимается и звучит по всей стране клич: «Аллах велик!» Дети подхватывают старые трубы и вообще все, что подходит и попадает под руку, и разносят этот клич. «Клич убить нельзя!» — говорят афганцы. Да, но можно убить, в конце концов, у людей волю к сопротивлению. Афганские защитники свободы сражаются против бомб, танков, советских солдат, вооруженных самым современным оружием с помощью допотопных винтовок. Иногда им удается отнять от советских солдат более современное оружие. Но его так мало.

Почему Запад не поможет? Почему он не пошлет оружие? Не надо посылать своих солдат, не надо рисковать большой войной и жизнью своих граждан. Достаточно помочь этим отчаянно храбрым защитникам своей и нашей свободы более современным

оружием. Но Запад оставляет одну страну за другой своими слабыми силами в безнадежной борьбе истекать кровью, пока в ней не водворится обычный для коммунистических стран кладбищенский мир.

Западные страны никак не могут притти к общему мнению в вопросе бойкота московской Олимпиады. Прочно забыто, как в 1936 г. Олимпиада в Берлине помогла созданием престижа и громкой пропаганды агрессору Гитлеру. Спортивные организации Европы рвутся в Москву. Спортсмены устраивают демонстрации с факелами — не против агрессии в Афганистане, а против совета своего правительства бойкотировать Олимпиаду в Москве. Когда журнал с этой статьей дойдет до читателя, то будет уже ясно, кто присоединился к бойкоту, а кто нет. Когда я теперь эту статью пишу, еще не все выяснено. Но даже если большинство и присоединится к бойкоту — все эти колебания, эти демонстрации под ложным лозунгом достаточно постыдны.

Между тем, надо было бы бойкотировать не только Олимпиаду, не только прекратить некоторые поставки в Сов. Союз, надо было бы объявить **тотальный бойкот** этому государству со страшной коммунистической идеологией и страшной практикой, вполне этой идеологии соответствующей.

Еще находятся на Западе политики, в Западной Германии, например, Герберт Венер и Эгон Бар, которые пытаются нас уверить, что Сов. Союз напал на Афганистан... защищаясь! Не то он боится какого-то ок-

ружения (кто кого окружает?), не то восстания мусульман своих азиатских республик, в которых нет ни малейших признаков мятежа или хоть небольшого беспокойства. И в концлагерях процентуально меньше сидит азиатов, больше самих русских. Но если есть на Западе политики, которые никак не могут понять роли идеологии, а рассматривают все с точки зрения «русского империализма», а потому приходят к самым фантастическим и неправильным выводам, то Венер никак не может быть отнесен к их числу. Старый сотрудник Коминтерна, очень видный коммунист знает прекрасно, почему советские коммунисты напали на Афганистан.

А среди русских эмигрантов начинаются нашептывания, что, мол, Запад все равно путает коммунистов и русских, а поэтому не лучше ли сразу присоединиться к «русским коммунистам» (и доказать тем самым Западу, что он прав, не делая разницы между русскими и коммунистами). Выплывают нотки старого совпатриотизма.

К счастью, среди антикоммунистической русской эмиграции ничтожное количество таких, которые готовы соблазниться ложными великодержавными искушениями. Подавляющее большинство остается убежденными антикоммунистами и противниками мирового коммунизма, в каком бы обличьи он ни выступал. В этом и есть единственный смысл существования антикоммунистической эмиграции. Если она этот смысл потеряет, то она потеряет и свое право на существование. Не будем этого забывать.

А. ФЕДОСЕЕВ

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ СУТЬ ПРОГРАММЫ НТС¹⁾

ОТВЕТ А. ТРОИЦКОМУ.

В «Посеве» № 1 за 1980 г. А. Троицкий категорически возражает против моей критики Программы НТС. Я не хочу останавливаться на обвинениях в том, что моя критика Программы поверхностна и недобросовестна. Каждый, интересующийся вопросом, может судить сам, прочитав мою статью с этой критикой в «Посеве» № 8 за 1979 г. (или в № 12 «Голоса Зарубежья»),

а также саму Программу НТС, изданную «Посевом» в 1975 г. Однако, я должен остановиться на двух положениях А. Троицкого:

1. «Федосеев оставляет без внимания главное — мировоззренческое содержание Программы НТС — и выдает за главное отдельные ее положения, имеющие лишь **служебное значение**» (Подчеркивания здесь и далее — мои).

2. «В Программе НТС именно **духовное величие человеческой личности** берется в основу мировоззрения».

¹⁾ Статья была послана в «Посев», но не принята.

ПЕРСОНАЛИЗМ.

Действительно, почему же я оставил без внимания «мировоззренческое» содержание Программы НТС? Прежде всего, скажем, персонализм, как утверждение «принципиальной самоценности личности» и ее «духовного величия»? Хочу сразу же заявить, что я всегда, а сейчас в особенности, голосую за это положение обеими руками и ногами. Оно ведь высказывалось и тысячами людей на протяжении, как минимум, всего последнего тысячелетия. Карл Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что все их (марксистские) теории имеют в основе стремление к достижению с помощью коммунизма всестороннего и величайшего развития личности человека. И, заметьте, не только пролетарской, но любой личности. Я сам почти со школьных лет слышал от советской власти, что «Человек — это звучит гордо».

Может быть, Картер, Жискара д'Эстен, Татчер, Хирохито и все другие заявляют противоположное и не хотят «духовного величия личности»? Или Хомейни? Я ни разу еще не встречал ни одного человека ни в СССР, ни на Западе, который бы возражал против «духовного величия личности». Это положение есть многовековая мечта человечества. Объявить в тысячный раз снова это положение — не суть. Суть в том, как его осуществить.

Мы знаем теперь, что марксизм и социализм принципиально не могут выполнить этого обещания потому, что система коллективного, высокоорганизованного общества требует поставить интересы общества выше интересов личности, приводя к страшному закабалению личности и к превращению ее в раба.

Нынешний монополизм Запада, значительно лучше до сих пор выполняя свои обязательства перед личностью, оставляет желать много лучшего. Кроме того, развитие монополизма происходит в направлении все большего и большего подчинения интересов и духовных ценностей личности интересам монополий и их вождей. Легко также заметить, что это развитие происходит именно в направлении к марксистскому социалистическому обществу, а не от него. Со всеми вытекающими последствиями.

Из этих рассуждений вытекает, что нужно заглянуть в Программу НТС дальше и выяснить, как именно это важнейшее мировоззренческое положение реализуется. Стр. 11 Программы НТС: «Но личность

должна быть сознательно самонаправлена на служение сверхличным ценностям». Стр. 13: «Общество **вправе требовать** от личности сознательного участия в общем деле» Из моего личного опыта следует, что советская власть приветствовала бы и букву и смысл этих двух заявлений.

Таким образом:

1. Утверждается, что сверхличные (скажем, социалистические) ценности выше ценностей и интересов личности.

2. Общество вправе требовать подчинения личных интересов интересам общества.

Не развивая эти мысли, хочу лишь еще раз просто отметить, что они не противоречат ни социализму, ни даже фашизму, ясно фигурируя в учениях того и другого.

Однако что же это такое эти интересы общества и сверхличные ценности, кто и как их определяет? Представьте себе, что мы имеем свободное общество свободно-взаимодействующих людей, из которых каждый преследует свой личный интерес. Тогда, в результате многих миллионов столкновений и компромиссов и многих миллионов отдельных действий, общество будет в ту или другую сторону развиваться. Правомерно предположить, что направление, в котором такое свободное общество будет развиваться, и соответствует интересам этого общества и его «сверхличным» ценностям. Однако кто же может сформулировать этот общественный интерес и ценности так, чтобы справедливо заявить, что ваш интерес и ценности соответствуют интересам и ценностям общества, а мои — нет? Почему тот человек, который сделает это, имеет превосходство перед вами и мной при решении этого, жизненно важного для нас вопроса?

Возьмем теперь общество, управляемое государственной властью через избранных представителей. Очевидно, что в этом случае «интересы общества» будут определены этими нашими избранниками и будут ими преследоваться в их служебной деятельности. При этом, деятельность этих наших представителей власти, конечно, принципиально, не может выражать множество различных интересов и ценностей, скажем, сотни тысяч избирателей на каждого из представителей. Даже в виде их суммы или некой результирующей. Тем более, это можно сказать о миллионах различных интересов миллионов людей, составляющих обще-

ство. Деятельность представителей просто будет выражать интересы государственной власти в личном и, следовательно, узком и не бесспорном понимании их самих. (Будем, конечно, считать, что во всех случаях мы имеем дело с честными людьми). Мозги этих относительно немногих представителей не могут никого представлять по той простой причине, что не в состоянии вместить и учесть все богатство и разнообразие мыслей и интересов многих миллионов избирателей. Совершенно неизбежно поэтому, что интересы государственной власти будут по отношению к этому богатству страшно примитивны. Едва ли можно говорить о каких-либо высоких ценностях и высоких духовных интересах в суете, спешке и перепалках государственного управления. Можно лишь предсказать, что главным интересом «общества», т. е. государства, т. е. избранников-управителей будет укрепление и расширение власти государства, которой, как вы знаете, всегда для управления не хватает.

В таких условиях, если мы хотим сохранить «духовное величие личности», мы должны передоверить в распоряжение «обществу» т. е. государству и нашим избранникам только строго определенную и небольшую часть нашего духовного и физического бытия. Иначе никакого величия не видать как своих ушей.

Что же это за часть? Конечно, это — обеспечение законности и порядка, организация обороны, правила взаимодействия с внешним миром, денежная система и т. п. Это именно то, что принципиально не может входить в компетенцию отдельной личности. Следует заметить, что ни одна личность и не сочтет себя угнетенной, если ей не дадут распоряжаться самолично указанными выше делами. Она, конечно, может и будет критиковать своих избранников, но «духовное величие личности» не будет нарушено. Другое дело, если личность будет поставлена перед необходимостью служить, например, своими картинами, музыкой, художественными и публицистическими сочинениями безликому государству, а не публике потому, что частные издательства или галереи превышают согласно Программе НТС, предел «трудовой» собственности.

Что касается того, очень популярного представления, что люди, избранные нами управлять, и государство воплощают чудесным образом «высшую мудрость» и «сверхличные ценности», которых у личности нет, представляет собой явное недора-

зумление. Люди на любых постах остаются людьми и, следовательно как и все остальные, ограничены и разумом и энергией и знанием. Именно поэтому важно отдать в распоряжение кесаря лишь то, что может принадлежать только ему, оставив все остальное (следовательно, львиную часть) в распоряжении самой личности.

По той же Программе НТС личность, избрав представителей в первый этаж, т. е. местные самоуправления и в высший этаж государства, одну из двух законодательных палат, этим исчерпывает свое воздействие на формирование государственной власти и ее поведение (стр. 67 и 70). Это — в точности то же самое, что для нынешней Англии. Однако, как показывает пример Англии, это совсем не обеспечивает никакого персонализма. Да и личность, оставшаяся в меньшинстве при выборах, не считает избранника своим. Программа НТС это невероятно усугубляет, наделяя кесаря, т. е. государство, колоссальной властью в виде государственной собственности на 90% народного хозяйства и в виде абсолютного контроля над остальными 10%. (стр. 86, 87, 88). Таким образом у личности нет иного выбора, как итти в любом случае на поклон всеобщему хозяину-государству и подчиняться его (т. е. правителей) диктату. Даже став формально частником, личность находится под этим диктатом. Его «частное» дело «должно быть оправдано личным трудом и допускается на условиях рационального (!?) использования собственности по назначению (?) и соблюдения принципов (?) социальной справедливости» (стр. 84). Кроме того, «Принципы солидарности **требуют вмешательства государства** в хозяйственную деятельность там, где имеет место злоупотребление хозяйственной свободой (?)» (стр. 93). «Деятельность **всех** промышленных предприятий допускается при условии соблюдения трудовых и социальных законов, материальной и личной ответственности руководителей и владельцев предприятий и **подчинения их государственному контролю**» (стр. 98).

Для человека, который не нуждается в самостоятельности и свободе, это звучит, вероятно, не очень страшно, но едва ли найдется много смельчаков, которые решатся на такую «самостоятельную» деятельность.

Может быть, личности следует тогда заняться обработкой земли и таким образом, найти самостоятельность? По Программе НТС личность, видимо, может завести ого-

род. Однако завести сельскохозяйственную коммерческую ферму значит принять на себя уже вышеописанную удушающую петлю государственного контроля. Кроме того, имейте в виду, что все необходимое для коммерческого сельского хозяйства находится в руках государства тоже: машины, топливо, электроэнергия, транспорт, удобрения и т. п. При этом не только все это продается по монопольным государственным ценам, но и свою продукцию фермер обязан продавать по ценам, назначенным государством (стр. 100). Даже советская власть и та позволяет продажу на колхозных рынках по свободным ценам. Извините за грубость, но спрашивается, какой идиот решится на такую самостоятельность?

Может быть, личность решит организовать собственную школу или пойти преподавателем в поисках самостоятельности? Опять те же правила и еще кое что похуже.

«Единая и обязательная для всех средняя школа

— **обеспечивает** внутри каждого нового поколения равенство возможностей дальнейшего интеллектуального развития,

— **выравнивает** опасные образовательные и культурные различия и диспропорции, порождаемые растущей дифференциацией знаний,

— укрепляет национальную солидарность» стр. 127).

Это значит, что все программы, все процедуры средней школы диктуются государством, а родители, преподаватели, директора и даже владельцы школ полностью лишены какой бы то ни было самостоятельности действий. Да и как такое единообразие может быть достигнуто, если не с помощью техники насильственного промывания мозгов. Даже советская власть проводя эту политику Программы НТС в жизнь, постеснялась открыто объявить такое насилие над интеллектом личности в качестве великого достижения персонализма. Однако, на этом условия для «духовного величия личности» не исчерпываются. Каждая личность, работающая на государство или будучи частником (тоже работающая на государство, фактически) обязана быть членом «Трудовой формации», т. е. «первичной организации Трудового Союза» (стр. 53, 56, 57). Эти первичные организации объединяются в «Трудовые Союзы», затем во Всероссийские Трудовые Союзы и, наконец, в «Совет Труда». Эта единая, централизованная организация в обязательном порядке охватывает всю страну и

все трудоспособное население. Эта централизованная организация определяет планы работы всех предприятий страны и следит за выполнением этих планов. Она же определяет производственные нормы (т. е. кто, сколько должен поработать в установленное время), определяет зарплаты любых работников. Таким образом, эта организация совмещает в себе и функции Совета Министров и Госплана и Госконтроля и даже КПСС. От этой организации зависит вся необходимая для жизни деятельность личности и все ее потроха.

Может быть, А. Троицкий называет это персонализмом? Тогда, что же такое тоталитаризм? Если А. Троицкий считает, что это осуществляет высокие идеалы человеческой личности и ее величие, то мне с ним не спорить.

Кстати, в том же номере 1 за 1980 г. «Посева» Е. Кармазин на редкость правильно отмечает, что суть коммунизма во власти. По Программе НТС власть государства распространяется буквально на каждого отдельного гражданина в любой его деятельности и в том числе интеллектуальной и духовной. Личность по этой Программе, владея лишь личными пожитками (если есть), несмотря на все декларированные права (как и в Конституции СССР), совершенно бесправна и не имеет никакого величия (как в СССР).

Легко видеть, что эта власть и достигается теми же марксистскими, социалистическими методами — ликвидацией всякой, кроме очень мелкой, собственности под прикрытием тех же громких фраз о заботе по отношению к гражданам.

Не так уж трудно видеть, что «мировоззрение НТС» заключено в красивых и приятных лозунгах и декларациях, а система власти (имеющая по А. Троицкому лишь служебное значение) по Программе обеспечивает нечто прямо противоположное «мировоззрению».

Это и неудивительно. Каждый человек имеет свое собственное мировоззрение и никакое другое мировоззрение вместо собственного простым убеждением ему навязать невозможно. Чтобы превратить миллионы мировоззрений в одно мировоззрение государства НТС, нужна власть и насилие и, как видно, творцы Программы НТС это хорошо знали.

СОЛИДАРИЗМ.

Я сразу же опять заявляю, что голосую руками и ногами за солидарность людей в

их обществе. К тому же, со времен семьи пещерного человека и вплоть до наших конфликтных времен, человеческое общество развивалось в силу разделения и специализации труда. А разделение и специализация труда, интенсивно повышая благосостояние человеческого общества, не может осуществляться без преобладания солидарности над враждой. Поскольку человеческое общество достигло невероятных успехов на этом пути, это показывает, что, действительно, в течение всей истории, в среднем, солидарность преобладала над враждой.

Однако солидарность, как любовь: сильно мил не будешь. Объявляя упор на солидарность, как нечто новое и особенное, Программа НТС прибегает, не зная ничего лучшего, к насилию над людьми с помощью ничем неограниченного, все проникающей власти государства и такой же монополярной власти гигантского Совета Труда с его «трудовыми формациями». Это в точности такой же солидаризм как солидаризм в КПСС, в СССР или, как на Западе, когда лишение профсоюзного билета за нарушение профсоюзной дисциплины может означать крайнюю нищету, если не голодную смерть.

Историческая же, истинная и не насильственная солидарность²⁾ создавалась на основе добровольного договора между меценатом и художником, скажем, или между покупателем и торговцем или между нанимателем и работником и т. д. в условиях широкого экономического выбора, политической и духовной самостоятельности. Программа НТС эту базу истинной солидарности начисто ликвидирует, пренебрегая своими же «мировоззренческими» декларациями.

«ДИРИЖИЗМ»

Чем «дирижизм» НТС отличается от любого государственного управления хозяйством? Ничем, кроме термина и намека в нем на «разумную» несвободу оркестрантов. Расчет Программы НТС достаточно прозрачен. Создавая всемогущую систему государственной власти и власти Совета Труда по образцу советской власти и власти КПСС, Программа НТС предполагает, что управление («дирижизм») государством будет превосходным. К сожалению, опыт СССР и всех других социалистических стран показывает, что результат такого управления будет катастрофическим для граждан и, ко-

нечно, для «духовного величия» их личности.

ОПТИМИЗМ.

Какой же правитель или правительства не преследуют оптимального управления? Суть, однако, не в том, чтобы этого желать или объявлять.

Этого все желают. Суть в том, как достигать этих оптимальных государственных решений. Программа НТС этого не разъясняет и, конечно, не может разъяснить. Множество не только государственных умов на протяжении многих веков этим занималось и, как правило, безуспешно, но и многие ученые в области математики и кибернетики пришли к выводу, что в масштабе государства это неразрешимая задача.

А, может быть, А. Троицкий полагает, что все правители за всю историю человечества, не говоря уже о нынешних на Западе или в СССР, все были дефектными людьми, (выражаясь вульгарно, дураками) и поэтому или не хотели или не умели сделать то, что Программа НТС так запросто «решает»?

«ОТВЕТСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ».

«Ответственное служение» согласно Программы НТС означает, что трудящиеся ставят свои интересы ниже государственных и на всех своих постах служат государству и «высшим целям». Если не задавать вопроса, что это за «высшие цели», кем и как они определяются, то кто же будет против такой замечательной перспективы? Однако как это реализуется? Программа НТС реализует это с помощью тех же своих всемогущих государств и Совета Труда, считая, что представители этих сил правильно диктуют, что такое личные интересы, а что такое высшие цели и неусыпно следят за исполнением. Ведь, формулировка этих высших целей не возвещается трубным гласом с небес, а делается на земле людьми.

Услышав это «ответственное служение», неискушенный человек подумает, что под этим термином скрывается какой-то чудесный рецепт, с помощью которого все эгоисты без всякого насилия становятся самоотверженными святыми.

«ОТВЕТСТВЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО».

Точно такой же смысл имеет и термин «ответственное предпринимательство». Опять дело не в декларации, как бы прекрасна она ни была бы, а в средствах ее реализации. Можно подумать, что до НТС

²⁾ В статье «Некоторые аспекты власти и организации общества» № 7 «Г.З.» мы писали, что солидаризм убивает солидарность. — В Пирожкова.

миллионы людей были сплошными идиотами, так как не могли до сих пор нигде в мире реализовать «ответственное» предпринимательство. В то же время, почему, видимо, безответственное предпринимательство произвело в Англии великую промышленную революцию? Почему безответственное предпринимательство привело в свое время к невиданному расцвету благосостояния народов Запада. «Рецепт» Программы НТС все тот же: жесточайший контроль с помощью все той же силы государства и Совета Труда, который способен только задушить это самое предпринимательство в самом зародыше.

ПОСУЛЫ.

Кроме вышеуказанного «мировоззренческого багажа» Программа НТС переполнена независимыми ни от НТС, ни от его программы декларациями и обещаниями (посулами), как, например, обещание зажиточной жизни для всех граждан. Можно опять подумать, что правители Запады (да и СССР) — крошечные злодеи и не хотят зажиточности для всех граждан. Уж ведь должно быть всем известно, что зажиточность означает высокую производительность труда. Без высокой производительности труда не будет зажиточности. Кто должен иметь высокую производительность? Да сами же трудящиеся. Больше то некому. С неба ничто не валится. Если трудящиеся работают в полную свою физическую и умственную силу, они и обеспечивают себе зажиточность. Социальный же строй отличается тем, что при одном трудящиеся лучше и больше работают, а при другом — хуже. Известно уже многим нынче, что, чем больше регламентаций и несвободы для деятельности людей, тем хуже люди работают. Программа же НТС упорно настаивает на предельной регламентации и несвободе. Откуда же появится необходимая высокая производительность труда для обеспечения «зажиточности всех граждан»? Кстати, СССР и все страны социализма с аналогичной регламентацией тому доказательство, что установка Программы НТС в корне неверна.

«ПОЛНАЯ» ОПЛАТА ТРУДА (БЕЗ ЭКСПЛОАТАЦИИ).

Источник всех благ в любом государстве — физический и умственный труд его населения (отнюдь не самой по себе государственной власти). Однако нужно оплатить расходы (т. е. затратить добавочный

труд), на госаппарат, на оборону, на пенсии старикам и пособия инвалидам, на «бесплатное» медобслуживание, на «бесплатное» образование и т. п. Кроме того, нужно оплатить расходы на построение новых фабрик и заводов, т. е. на создание новых рабочих мест для новых рабочих рук. Иначе — безработица. Нужно оплатить расходы на новые машины и прессы, на научные и технические исследования и разработки. Иначе не будет роста производительности труда и, следовательно, не будет роста благосостояния населения. Нужно, наконец, оплатить проценты на кредит, т. е. на вложения населением своих сбережений.

Если НТС не предполагает извлекать этот добавочный труд из воздуха, то иначе, как вычетом из «полной» зарплаты, его получить невозможно. Видимо, вычет этой «прибавочной стоимости» НТС не считает эксплуатацией. Тогда нужно прямо заявить, что другая, настоящая, эксплуатация, если не считать, конечно, нежелательных, исключений, нигде на Западе и не существовала и не существует. Однако, чем шире и больше государственный и профсоюзный аппарат, тем больше настоящей эксплуатации человека в виде взятки, блата, очковтирательства и т. д. и т. д.

ВООБЩЕ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Таким образом, мировоззренческая часть Программы НТС состоит из несбыточных деклараций, из ошибочных (марксистских) представлений о причинах дефектов общества и из обозначения новыми терминами давно известных явлений. Вся эта очень приятная мировоззренческая часть сводится полностью на нет «служебной» частью Программы. Даже некоторые вполне реализуемые обещания Программы оказываются под сомнением в результате тоталитарной «служебной» части.

Как видите, дорогой А. Троицкий, у меня были причины оставить без внимания «мировоззренческую» часть Программы НТС во избежание дополнительной и крайне неприятной обязанности ее рассматривать.

Мой прежний вывод, что Программа НТС более тоталитарна, чем советский строй, остается в силе. Прошу при этом иметь в виду, что я не только не противник, а искренний сторонник уважаемых мною деятелей НТС и их нынешней деятельности, направленной на свержение социалистической диктатуры. Мне лишь непонятно одно: зачем

свергать советскую диктатуру, чтобы ввести новую и более жесткую, хотя бы и прикрытую «духовными» фейерверками? Я надеюсь, что Программа НТС есть простое

заблужденное, а не полностью продуманное и проверенное заявление.

4. 2. 1980.

Эту статью на тему, «о которой не говорят», но зато тем более думают, мы ставим на дискуссию.

Редакция.

Э. ОГАНЕСЯН.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ТЕРРОР СПРАВЕДЛИВЫМ?

15 марта 1921 года в Берлине на площади Шарлотенбург армянским террористом Согомоном Телиряном был застрелен бывший премьер-министр Турецкой Империи Талаат паша. Террорист не бежал. Ему недостаточна была месть, ему нужен был публичный суд. Суд состоялся в Берлине. Суд кайзеровской Германии оправдал террориста, ибо Талаат паша был инициатором и организатором геноцида армян в Турции, в результате которого было уничтожено полтора миллиона армян. Геноцид этот имел место в 1915 году, в начале нашего 20-го века.

В настоящее время, в Западном Берлине подготовлена к изданию книга об этом убийстве и о процессе над убийцей. Издательство обратилось в Институт Армянских Проблем с просьбой написать предисловие к книге. Предисловие, подготовленное институтом, редакция отвергла по следующей мотивировке: «В предисловии высказаны мысли, которые сегодня не принято высказывать в слух, о которых никто не говорит». Отказался от публикации так же журнал «Континент». Может быть Вы согласитесь на это?

Террор вошел в нашу жизнь как составная часть общественного бытия. Сегодня он грозит снести здание мирового общественного порядка и пошатнуть основы демократических обществ. Именно по этому появилась острая необходимость социально-правового анализа этого явления с попыткой ответить на вопрос: может ли быть террор справедливым.

Общество, как будто ответило на этот вопрос положительно, если дало возможность террористам выступать с трибуны ООН и если с ними ведут переговоры на высшем государственном уровне. И, тем не менее, признание террора как «дозволенно-

го» средства борьбы носит не правовой характер, а характер признания явления «дэ факто». Никто еще в слух не осмелился сказать, что наряду с несправедливым может существовать еще и справедливый террор. Пока еще христианская мораль удерживает нас в своих рамках и заставляет осуждать всякое убийство без суда. Всегда ли так было? Обратимся к истории. Опыт истории учит. Это верно. Но верно и то, что обращение к истории таит в себе опасность соблазна. Всегда есть соблазн успокоить себя тем, что когда-то «нечто подобное уже было», удовлетвориться аналогиями и не заметить тех особенностей новых явлений, без осмысления которых нельзя успешно бороться со злом.

Именно потому, что террор превратился в средство борьбы, прежде чем давать ему общую оценку, необходимо выяснить себе, можно ли средства борьбы подразделять на справедливые и несправедливые, или цель оправдывает средства? Оказывается, что такое подразделение возможно, если внести небольшую поправку. А именно, слово справедливый заменить словом дозволенный. И тогда можно будет говорить о дозволенных и недозволенных средствах борьбы. Подобно тому как боксеру дозволено бить по челюсти противника, но нельзя ударить ниже пояса, так и во время «законных» войн можно стрелять из пулемета, но нельзя использовать отравляющие вещества или бактериологическое оружие. Можно бомбить города и убивать здоровых людей, но нельзя бомбить госпитали, где находятся раненные. Можно приставлять к стенке собственных граждан, но нельзя расстреливать пленных. Словом, в войнах бывают дозволенные и недозволенные средства, да и сами войны бывают дозволенные и недозволенные. Правда, в этом последнем

случае мы и говорим о справедливых и несправедливых войнах. Но справедливость и дозволенность вещи разные. Справедливость в отличие от дозволенности моральная, а не юридическая категория. Чувство справедливости связано с совестью, а следовательно с религией.

В драме Лермонтова «Маскарад» на реплику князя Звездича, что отказываться от дуэли вовсе против правил, Арбенин бросает ему: «В каком указе есть права на ненависть и месть?» И действительно, какой бы совершенной ни была правовая система, она не сможет предусмотреть наказания на все случаи несправедливости. И следовательно в любом обществе, даже в самом правовом, возможны и даже неизбежны бунты отдельных личностей и групп. Поскольку бунт этот может проявиться и в виде диссидентства, и в виде террора, и в виде организованного восстания, то важно лишь то, насколько справедлив данный бунт, данный протест и данное восстание. Найти ключ к такому подходу, пожалуй, важнее, чем добиваться такой демократизации общества, при котором принципы свободы личности делают законным и оправданным всякий бунт и всякий протест, всякую идеологию и всякое восстание, пусть даже всенародное.

Мы понимаем, что в попытке найти критерий справедливости для того или иного движения, для оправдания одного и осуждения другого бунта, мы вступаем на скользкий путь частичного осуждения принципов свободы и демократии. Но, может быть, в наше время, когда одни именем социальной, другие национальной, третьи религиозной справедливости изо дня в день превращают мир в хаос, когда рвутся бомбы на рынках и в автобусах, когда похищают самолеты и в заложники берут дипломатов, может быть, в этом неуютном мире скользкий путь переоценки некоторых демократических принципов более приемлем, чем та твердая почва, при котором каждый имеет моральное право говорить и делать, что ему вздумается. Если бы нам удалось найти ключ к объективным оценкам тех или иных общественных движений, то нам удалось бы показать, что террор может быть справедливым, как может быть несправедливым восстание или диссидентское движение. Где же искать основу для справедливости?

Известно, что проблема эта сложна и до конца не решена. Здесь не место для аксиологических исследований, но достаточно сказать, что при целостном восприятии ценности, мы различаем ее объективную и субъек-

тивную стороны. И до тех пор, пока субъективная сущность ценности, до тех пор пока наряду с логикой, наши чувства и наша интуиция являются судьями на процессах классификации ценностей, бунты против существующих порядков и законов неизбежны. Кто же может воспитать или обуздать наши чувства. По всей видимости религия. Но не та канонизированная религия, которая уподобляясь закону, говорит что можно и чего нельзя делать по субботам. А та, которая порождает рассказание и дает познать счастье самопожертвования. В религиозном духе воспитанные чувства могут ошибиться в оценке добра, красоты и справедливости, но не могут ошибиться в идеале добра и справедливости. Значит и бунт таких чувств будет продиктован справедливостью.

Единственное, что мы можем сегодня сделать, это создать общественное мнение и атмосферу, с повышенной вероятностью справедливых бунтов, т. е. атмосферу, где справедливые бунты преобладают над несправедливыми. И уж если террор является одной из форм бунта, то необходимо по крайней мере, лишить его самого страшного зла, а именно сделать так, что бы в нем гибли совершенно невинные люди.

Было бы наивно полагать, что возможно вообще освободиться от террора, потому что для его распространения существуют по крайней мере следующие 4 причины.

1. В мире много несправедливостей и бездна нерешенных проблем.

2. Те, от кого зависят судьбы мира, технически настолько сильны, что открытая борьба против них исключена.

3. Те от кого зависят судьбы мира, правители и правительства настолько духовно слабы, настолько они потеряли мужество и чувство ответственности перед людьми и Богом, настолько они полюбили комфорт, что стало возможно их запугивать и шантажировать.

4. Неслыханная эффективность террора в деле пропаганды той или иной политической проблемы.

Это последнее обстоятельство особенно важно. Приведем конкретный пример. В течение полстолетия армянский народ мирными средствами пытался обратить внимание человечества на свои проблемы. Человечество молчало. Газеты и их хозяева не хотели портить отношений с Турцией и прощали ей геноцид армян. Для того, что бы в какой-нибудь серьезной газете было напи-

сано несколько строчек о геноциде, армянам приходилось платить огромные деньги. До сих пор на тему геноцида не удалось снять ни одного кинофильма. Но вот терпение лопнуло и какие-то «мальчики» (так их называют в Бейруте) начали стрелять. И Боже мой, как бойко заговорили газеты! Вспомнили геноцид, Северский договор, предложение Вильсона о независимости Армении и многое другое. Страницы и целые номера журналов заговорили об армянской проблеме, заговорили страстно, квалифицировано и самое главное бесплатно, если не считать за плату кровь турецких послов. В своих телевизионных программах французское, немецкое, австрийское, испанское, итальянское телевидение рассказывало об армянском народе и его проблемах. Но это еще не все. Свершилось еще большее чудо. Турецкий премьер-министр принял армянского Патриарха и выслушал его жалобу, а ряд турецких журналистов обратились с призывами к армянской диаспоре. За последние 50 лет такого еще не бывало! И вот тут армянский народ задумался. Может, неправильно жил он все эти годы, строя церкви

и школы? Может быть, надо было избрать палестинский путь и продолжить то, что начал на Шарлотенбургской площади террорист Телирян? Может быть, нужно было не выходить из беженских палаток, ничего не строить, а только стрелять и кричать: «Верните нам Родину!» Неужели мы так глупо ошиблись? Не Вилиамы Сарояны, не Шарли Азнауры и не молитвы в церквях, а террористы были нам нужны. Неужели это так? И усомнился армянский народ в правильности пройденного пути. И если начали сходить с этого мирного пути миролюбивые армяне, которые первые в мире провозгласили христианство государственной религией, значит, есть в терроре нечто очень эффективное, делающее его опасно соблазнительным. И если уж не можем мы устоять перед этим соблазном, то по крайней мере давайте будем реагировать только на справедливые терроры, примером которого является террор, описанный в настоящей книге. Когда мы спросили у издателя, почему он решил опубликовать эту книгу, он ответил, для того, что бы те кто стреляют, стреляли так, что бы их оправдал суд. Мы согласны с этим, если уж стрелять, то именно так.

Н. А. НЕФЕДОВ

ДЖУГАШВИЛИ - СТАЛИН — ДОКТОР ДЖЕКИЛЬ И МИСТЕР ХАЙД

С большим недоумением прочел я в газете «Русская Жизнь» статью «Двуликий Джугашвили-Сталин». В этой статье автор Ваню Ахметели делает попытку как-то оправдать Сталина, — этого величайшего злодея нашего времени, по приказам которого были расстреляны, замучены в застенках НКВД, истреблены на Архипелаге ГУЛаг, миллионы и миллионы ни в чем неповинных людей, — и преподносит поистине сногшибательную теорию, согласно которой у этого кровопийца было как бы две души (как и — две фамилии): одна — добрая, другая — злодейская. Добрая душа принадлежала Джугашвили, а злая — Сталину.

Так вот, по словам Ваню Ахметели, Сосо Джугашвили был веселым и добродушным человеком, любившим пошутить, откровенно поболтать за стаканом доброго кахетинского вина в кругу друзей и т. д. Правда, г. Ахметели признает, что своих друзей «отец народов» частенько отправлял на тот

свет, но зато потом мучился угрызением совести, плакал по ним горькими слезами. Но, видите ли, плакал и мучился, собственно, не Сталин, а... Джугашвили за преступления Сталина, ибо Джугашвили никого не убивал, а убивал Сталин. Словом, Джугашвили — не Сталин, Сталин — не Джугашвили. Из всей дребедени Ваню Ахметели можно вывести следующее заключение: Джугашвили — фамилия грузинская, а человек с грузинской фамилией, по мнению г. Ахметели, злодеем быть не может; другое дело человек с фамилией Сталин — от него пощады не жди.

Невольню вспомнился доктор Джекиль из фантастической повести известного английского писателя Роберта Стивенсона «Странное дело доктора Джекиля и мистера Хайда». Эта повесть настолько интересна, что на ее сюжет в Америке было поставлено четыре фильма и имя Джекиля стало нарицательным. В своей повести Стивенсон

рассказывает о благороднейшем человеке и ученом, докторе Джекиле, который изобрел дьявольский эликсир для разделения человеческой души на две — одну ангельскую добрую, другую — дьявольскую злую. Во время экспериментов доктор Джекиль, как только выпивал стакан эликсира, тогда добрая половина души от него моментально уходила, и он превращался в монстра Хайда, отправляющегося убивать своих друзей. После преступления он возвращался домой и, проглотив стакан анти-эликсира, опять приходил в нормальное состояние и жестоко мучился угрызением совести за совершенные им убийства, т. е. собственно, не им, а — монстром Хайдом. Ну, точь-точь, как мучился весельчак и добряга Сосо Джугашвили за преступления, совершенные другой половиной его души — Сталиным.

Да не из фантастической ли повести Стивенсона позаимствовал г. Ахметели свою не менее фантастическую версию о двуликом Сталине-Джугашвили? — уж больно много общего. Впрочем, разница между доктором Джекилем и кацо Джугашвили есть: Сосо совсем не нужно было возиться с изобретением какого-то эликсира; ему довольно было прочесть одну-другую страницу из «Капитала» Маркса, и сразу из весельчака и добряги он превращался в монстра Сталина.

Для пушей убедительности о невинности Сталина, пардон — Джугашвили, г. Ахметели поясняет: «Сталин совершал свои преступления, т. к. иначе он не мог, став рабом своего положения».

Вот это — открытие! Вот это логика! Сколько философов ни было на свете, а ни один из них до подобного не додумался. Да не пора ли перестать считать тиранами таких исторических личностей, как Чингисхан, Нерон? Следует ли упрекать их в кровожадности? А, может быть, распиная и сжигая на крестах первых христиан, Нерон, иначе поступить не мог, ибо, как и Джугашвили, тоже был «рабом своего императорского положения». И если, как отмечает г. Ахметели, «Сосо Джугашвили любил петь своим замечательным голосом грузинские песни», то, ведь и Нерон любил петь под аккомпанимент арфы свои стихи. Или, так красочно представленный писателем К. Паустовский добрым дялюшкой — Ленин. Разве мог он, будучи на рабском положении «вождя мирового пролетариата», не отдавать приказы расстреливать «насекомых» без суда и следствия и топить в баржах сдавшихся на его милость белых добро-

вольцев? Судя по логике Ваню Ахметели, конечно, — не мог. И если Джугашвили-Сталин был двуликим, то почему мы должны отказать в двуликости Ульянову-Ленину, раз он имел тоже две фамилии? Вот если бы прилежный гимназист и пайныка мальчик Володя оставался бы только Ульяновым, то он никого бы и пальцем не тронул.

В заключение своей статьи, г. Ахметели делает еще одно, тоже не лишнее юмора, сенсационное открытие. Оказывается, 2-ую Мировую войну выиграли не миллионы павших на полях России солдат; не американская помощь Советской армии — десятки тысяч самолетов, танков, грузовых машин, миллионы тон хлеба и миллионы ящиков знаменитой американской тушенки, без которых красноармейцы протянули бы ноги прежде, чем вступить в бой; и, конечно, не Великобритания и США, не их армии и авиация, разбившая в прах главные города Германии — нет. Войну выиграл Сталин, и только — Сталин. Тот самый кавказский ишак, который, имея в своем распоряжении в три раза больше бойцов и командиров, чем германское командование, и в четыре раза больше танков и самолетов, чем немцы на Восточном фронте, умудрился пустить беспощадного врага до берегов Волги и Кавказских гор, чего не случилось с основания Российского государства, да еще при этом сумел угробить 20 миллионов¹⁾ своих солдат, — число равное населению Бельгии, Голландии и Дании вместе взятых, — в то время, как немцы потеряли убитыми на Восточном фронте всего 1,700,000 солдат и офицеров²⁾. Таким образом, благодаря военному искусству великого победителя Сталина, на каждого убитого немецкого солдата падали 11-12 красноармейцев.

¹⁾ В номере «Правды» от 14 марта 1946 года Сталин сказал, что на войне погибло 7 милл. солдат и офицеров. Цифру в 20 милл. дал Хрущев в 1959 г., когда при переписи населения обнаружилась чрезвычайная нехватка населения. Александр Варди, автор книги «Подконвойный мир» считает, что Хрущев хотел скрыть таким путем число жертв концлагерей. Это ничуть не оправдывает ведение войны Сталиным. — Прим. ред.

²⁾ В 1946 г. Союзная Контрольная Комиссия в Берлине, на основании немецких документов установила, что число убитых против Красной армии составляет 1,7 миллиона германских солдат и офицеров. В Польше, на Западном фронте, в Югославии, Греции, Африке и Италии немцы потеряли 1,400 тысяч, и около пол миллиона погибло от воздушных бомбардировок британской и американской авиации. Для сравнения, вспомним, что в 1-ую Мир. Войну, воюя против той же Германии, Австро-Венгрии и еще против Турции, потеряла убитыми всего 1,720,000, и все же врага на свои русские земли не пустила.

Еще рассказывает г. Ахметели, что, мол, Гитлер хотел выменять попавшего в плен сына Сталина Якова Джугашвили на фельдмаршала Паулюса. Иосиф Джугашвили очень любил своего сына Якова и хотел его спасти, но, этому воспротивилась злая половина его души — Сталин. Что хотел Джугашвили, того не мог позволить Сталин — по той же самой причине, по которой он истреблял миллионы людей: предпринять шаги к вызволению своего сына ему мешало его положение раба. Очень убивался и плакал по своему Якову Иосиф Джугашвили, сочувственно вздыхает Ваню Ахметели, но злая душа Сталина поборол добрую — джугашвилевскую, и Яков погиб.

Эта версия — такая же безответственная болтовня, как и вся теория о двуличности. Сын Сталина Яков попал в плен в первый же год войны, а фельдмаршал Паулюс — в 1943 г. Если Гитлер собирался выменять Якова Джугашвили на попавшего в плен германского генерала, то он приступил бы к этому сразу, а не ждал бы два-три года, когда в плен попадет Паулюс. Это во-первых, а во-вторых, вряд ли Якова собирались выменять вообще, раз сразу же, как он попал в плен, его завербовало германское министерство пропаганды, в котором он начал сотрудничать по разложению Советской армии. Ваню Ахметели берет писать о том, о чем он совершенно ничего не знает, в противном случае он не говорил бы, что Яков Джугашвили сопротивлялся попыткам немцев привлечь его на свою сторону. Русские, находившиеся в то время в Германии, хорошо помнят его выступления по берлинскому радиофону, в которых он резко критиковал советский режим, призывал советских солдат не защищать преступное коммунистическое правительство и т. д. А кроме того, фельдмаршал Паулюс отказался выполнить приказ Гитлера держаться в Сталинграде пока не придет помощь и капитулировал. За неисполнение приказа Гитлер лишил Паулюса фельдмаршальского чина и всех орденов. Гитлер не только не хотел вызволить непослушного фельдмаршала, а пожелал, чтобы советчики его повесили. Однако его не повесили а Сталин использовал его в целях пропаганды, также как Гитлер использовал его сына Якова. Фельдмаршал Паулюс возглавил т. н. «Комитет Свободной Германии», который вел по радио антигитлеровскую пропаганду и забрасывал через фронт пленных немецких солдат для агитации среди германских войск о прекращении войны. Какие же по-

сле всего могут быть разговоры о попытке Гитлера вызволить изменника-фельдмаршала из плена?

Последнее время из России приходят тревожные вести, что в советской прессе наблюдается реабилитация Сталина — правда, делается это осторожно; что подсоветские люди со страхом смотрят на будущее — хотя и теперь не сладко, но только бы не вернулись времена Сталина-Джугашвили, тогда и совсем конец — не даром фамилия Джугашвили вызывает ассоциацию со словом «душитель». И вот, в то время как не только в России, но и в Польше, Чехословакии, Венгрии и в других странах, куда в свое время дотянулась кровавая рука Сталина, его вспоминают не иначе, как с проклятьем, на страницах русской эмигрантской газеты «Русская Жизнь» читаем мы полные сожаления и упрека слова г. Ахметели:

«Сталина многие ненавидят, но никто не хочет сказать хорошего слова о Иосифе Джугашвили.»

Подумайте, какая несправедливость, какая неблагоприятность со стороны этих многих! Никто не замолвил доброго словечка за «великого, гениального полководца», за строителя Архипелага ГУЛАГ! Но, к счастью, теперь это хорошее слово за него замолвил его кацо Ваню Ахметели, а то так бы мы и не узнали, что кроме советского мистера Хайды — Сталина, был еще и добрейший грузинский Джекиль — Джугашвили.

К Ваню Ахметели претензий нет — как говорится, с него взятки — гладки. Вылупившийся из ленинско-сталинского яйца, он, видимо, просто не в состоянии понять, что он находится не в коммунистических Албании или Китае, где процветает культ Сталина³⁾, а — Свободном Мире, где наделенные Сталина-Джугашвили какими-то положительными чертами, равносильно прославлению Калигулы или Гитлера. Так что, принимая во внимание еще и национальные амбиции Ваню Ахметели, его статья «Двуличный Джугашвили-Сталин» хотя и возмущает, но не удивляет. Если что и удивляет, так только то, что попытки реабилитации Ста-

³⁾ Кстати, в КНР недавно был реабилитирован Чингис-хан. В центральной коммунистической газете «Жэнь-мин жибао» появились статьи, в которых говорится, что Чингис-хан — национальный герой монголов. С чем и поздравляем КПК. Портрет Чингис-хана как нельзя лучше гармонирует с портретами современных чингис-ханов — Ленина и Сталина. Они и внешне друг на друга похожи.

лина проводятся не только в советской печати, но находят место и на страницах русской эмигрантской газеты.

Примечание: Светлана Аллиуева пишет в своих воспоминаниях следующее: «Старший брат мой Яша был моложе мамы только на 7 лет. Она очень нежно к нему относилась, заботилась о нем, утешала его в первом неудачном браке, когда родилась дочка и вскоре умерла. Мама очень огорчалась и старалась сделать жизнь Яши возможно более сносной, но это было вряд ли возможно, так как отец был недоволен его переездом в Москву (на этом настоял дядя Алеша Сванидзе), недоволен его первой женитьбой, его учебной, его характером — словом, всем.

Должно быть на маму произвела очень тяжелое впечатление попытка Яши покончить с собой. Доведенный до отчаяния отношением отца, совсем не помогавшему ему, Яша выстрелил в себя у нас в кухне, на квартире в Кремле. Он, к счастью, только ранил себя, — пуля прошла на вылет. Но отец нашел в этом повод для насмешек: «Ха, не попал!» — любил он поиздеваться. Мама была потрясена». (Двадцать писем к другу, 1967 г., стр. 97).

Вот как «добрый» Джугашвили «любил» своего сына Якова! Никто в общественности не знал тогда этих подробностей, никакой государственный интерес не принуждал Джугашвили издеваться над неудачной попыткой самоубийства своего сына и вообще травить его.

А вот что пишет дочь о «грузинском» характере своего отца: «Он не был ни горяч, ни открыт, ни эмоционален, ни сентиментален — что так характерно для типично грузинского темперамента... Душевная открытость и доверчивость грузин раздражала отца. «Дураки! Грузины — дураки!» — говорил он, когда во время поездки в

Грузию в 1952 г. его встречали целыми деревнями на дорогах... Он не принимал их угощений, их приветствий и, развернув машину, уезжал прочь... В нем все было наоборот, и с годами только укреплялась холодная расчетливость, скрытность, трезвый, циничный реализм.» (Только один год, 1969, стр. 312-313).

И Аллиуева повторяет легенду о героической смерти Якова Джугашвили в плену. Но эту легенду она повторяет с чужих слов, тогда как все предыдущее она видела и наблюдала своими глазами. Понятно, что Яков Джугашвили ненавидел режим, созданный его отцом, ненавидел и **такого** отца. Нельзя винить его за то, что он при первой же возможности выступил открыто против этого режима. Сущности нацизма он тогда знать еще не мог. Каким образом он погиб, неизвестно. Может быть, будущие историки разыщут документы об этом. Вскоре после войны ходили слухи, что он попал в руки Советской армии и был расстрелян по приказу отца за измену. Но уже очень скоро были пушены в ход легенды, замалчивающие деятельность Якова как пропагандиста против советского режима, коммунизма и его отца.

Последнее время эти легенды снова всплывают. Так и в «Новом Русском Слове» за 12 марта была помещена статья с одной из таких легенд. Кто в этом заинтересован именно сейчас, трудно сказать.

Однако хвалебные оды «доброму» Джугашвили в газете, называющей себя национальной (Русская Жизнь, Сан Франциско) кажется нам просто чудовищным. «Добрый» Джугашвили уничтожил физически и духовно огромную и лучшую часть русского народа, и ни одна газета, печатающая на своих страницах восхваления этому чудовищу, не имеет права впредь называть себя национальной.

РЕДАКЦИЯ.

Д. ШТУРМАН

АМЕРИКАНЕЦ НА РАНДЕВУ С РОССИЕЙ

«Там живут несчастные люди-дикари,
На лицо ужасные, добрые внутри...»

Шуточная песенка из кинофильма
«Бриллиантовая рука», СССР.

Не так давно была награждена Пулитцеровской премией книга Хедрика Смита «Русские»¹⁾. Журналист Х. Смит не ограничи-

¹⁾ Хедрик Смит, «Русские», (перев. с английского) STI Ltd, Иерусалим, 1978. Все ссылки на Х. Смита — по этому изданию его книги.

вается рамками репортажа или путевых записок, а предлагает читателю разгадку советского строя и «русского национального характера, формировавшегося под влиянием климата и исторических обстоятельств».

Книга Смита чрезвычайно интересна для русского читателя не только потому, что далеко не всем россиянам, нынешним и бывшим, известно все то, что узнал об СССР и увидел в СССР за три года Х. Смит. Тем менее известны эти черты и факты западному читателю. Взгляд журналиста и репортера Х. Смита цепок и наблюдателен, и подмечать или запоминать интересные детали и факты он умеет. Но, на мой взгляд, ценность книги не столько в этих, в общем-то, уже так или иначе отраженных русской и мировой публицистикой броских фактах, сколько в том, что трехтомная книга Смита очень полно и выпукло характеризует **взгляд американца на СССР**. И (последнее еще важнее) не только взгляд, то есть не только то, что иностранцу удастся увидеть в СССР, но и **истолкование увиденного**. А понимание Западом того, что произошло и происходит в России (в СССР) судьбоносно для всего человечества. Взгляд иностранца на СССР — это неизбежно и в весьма существенной степени определяется тем, что соответствующие советские органы и инстанции позволяют иностранцу увидеть в СССР. Поэтому модель России и СССР, построенная Х. Смитом в аналитических частях его книги, весьма интересна еще и как результат усилий его гостеприимных хозяев. Последнее звучит парадоксально и даже мало правдоподобно, однако трудно отказать от мысли, что иностранец, изучающий СССР может быть свободен от многообразного контроля определенных инстанций. Попробуем же проследить, каковы наиболее общие выводы Х. Смита из того, что ему удалось увидеть за три года его пребывания в СССР.

По мнению Х. Смита, главной помехой для Запада в его попытках понять Россию (СССР) является убеждение первого, будто «русские подобны нам» (т. е. «людям Запада», что на самом деле неверно в принципе. Русские сохранили «все безрассудно-неправдоподобные черты героев Достоевского». И автор перечисляет, расположив их антиморфическими парами, чуть ли не все человеческие качества, стоицизм и романтичность, бунтарство и приспособленчество, аскетизм и сибаритство, доброту и жестокость и т. д. и т. п. Но у какого же народа нет этих свойств? А картиной статистического распределения присущих человечеству (ЧЕЛОВЕКУ) психологических черт между различными народами никто еще, кажется, с мало-мальски удовлетворительной степенью

научной строгости человечество не порадовал.

Х. Смит тоже не занимался этим по отношению к своим этнически весьма расплывчатым «русским». Но премия Пулитцера показывает, что объявление их уникальным явлением в истории европейской цивилизации, феноменом, прямо-таки, инопланетным, чрезвычайно по душе «людям Запада». Почему? Думаю, что такой взгляд на историю и судьбу России позволяет им быть спокойнее за себя и своих детей. Нам всем присуще избирательное тяготение не к наиболее достоверным, а к наиболее для нас желательным сведениям и толкованиям.

1. БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Западного читателя, вероятно, весьма впечатляет обилие в репортаже Смита **имен, исторических экскурсов, литературных ассоциаций**.

Бог с ними, с отдельными, хотя и существенными ошибками, заставляющими броненосец «Потемкин» стрелять 25 октября (7 ноября) 1917 года по Зимнему. Признав, что в книге есть и меткие наблюдения, и занимательные детали, и ценные сведения, забудем о статистической небрежности репортажей Х. Смита: величина советской средней зарплаты варьируется (за один и тот же год) в пределах 140–248 рублей; доллар и рубль соотносятся, в основном, по официальному валютному курсу; уровни жизни СССР и царской России сравниваются по советским данным, что решительно искажает картину, и т. д.

Но вот один из примеров того, как Х. Смит исследует русский характер с помощью литературных ассоциаций:

«Еще Достоевский сказал, что русские — полувяты, полуварвары; эти его слова напомнил мне один египетский журналист, и его пухленькая русская жена добавила. „Русские могут быть очень сентиментальными, но в то же время и очень равнодушными, и очень жестокими. Русский человек может плакать над стихами и через несколько минут тут же убить врага”».

Смешно и страшно, когда такие вопросы рассматриваются на уровне «пухленькой русской жены» египетского журналиста и застольных реплик этого журналиста.

Однако более всего искажает картину то обстоятельство, что Х. Смит катастрофически смешивает пропагандные муляжи КПСС и миропонимание советских граждан. Так, он пишет о «русских»:

Почти в любом удобном случае можно voltar к их патриотизму и успешно сыграть на этом. Где еще в мире вы можете услышать ис-

полнение по вагонному радио национального гимна при отправлении поезда дальнего следования? Где еще вы можете увидеть, чтобы аудитория целый вечер слушала песни, прославляющие и восхваляющие родину, и не почувствовала бы их излишнюю сентиментальность?

Достаточно, казалось бы, ознакомиться с «Магнитиздатом» 1970-х г.г., чтобы увидеть какие песни привлекают советских слушателей и понять, что СВОИ, а не партийно-правительственные вкусы люди в значительной мере удовлетворяют вне легализованного властями искусства. Но Х. Смит простодушно и многократно судит о вкусах советской публики по учиняемому над ней насилию. Гимн слушают, громкоговорителей не срывают и — в общественных местах — не выключают, — значит нравятся! Ну, а если в некоторых нацистских лагерях уничтожения играли во время массовых казней Вагнера или гнали обреченных в газовые камеры под вальсы Штрауса? Будем судить по этим фактам о музыкальных пристрастиях узников? А в советском лагере, где я отбывала свой «срок», на «разводе» оркестр заключенных играл «Песню о Родине» Дунаевского («Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек») ... А в 1939 году на Харьковской областной олимпиаде художественной самодеятельности знаменитую песню о сизокрылом орле Иосифе Виссарионовиче спели за два дня около шестидесяти раз, потому что ни один хор без исполнения этой песни к соревнованиям не допускался... Явления разных масштабов? Да. Но одного типа.

Описав помпезные официальные мемориалы и монументальные скульптуры, Х. Смит говорит:

«Размеры этих памятников — весьма существенный ключ к разгадке их общественного назначения и к проникновению в психологический склад советского человека».

По его убеждению, «русские» все как один считают, что

«В размерах — сила. Но зато в частной жизни они стремятся избежать всего титанического, возвращая вещам их естественные размеры».

Социал-реалистический монументализм, очень родственный национал-социалистическому монументализму, имеет не больше отношения к тому, что «русские» любят, чем теснота советских квартир. Но БЛАГАЯ ДЛЯ ЗАПАДА ВЕСТЬ: советское есть психологически русское — Х. Смитом (с чужих слов, ибо знанием исторических первоисточников он не грешит) усвоена, а проникновенно-сдержанное искусство России извест-

но ему мало. Поэтому «гигантские, выполненные из нержавеющей стали» монстры рекомендуются им Западу в качестве ключа к «русской душе». А Запад восторженно рукоплещет:

«ПРЕМИЯ ПУЛИЦЕРА! БЕСТСЕЛЛЕР!

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ КНИГА
О СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ!

„Самый всеобъемлющий и правдивый рассказ о России из всех, опубликованных до настоящего времени.

Это — важная и великолепная книга. Она захватывает своей свежестью и глубиной проникновения”.

Милован Джилас („Санди таймс”)
«Великолепно!» („Тайм мэгэзин”)

ОПЯТЬ РУССКИЕ?!

ДА,
НО ТАКОГО МЫ ЕЩЕ
НЕ ЧИТАЛИ

Перед Вами не сенсационные
разоблачения, а сама жизнь

Это и для тех, кто думает, что знает
о Советской России все²⁾

Боюсь, что никто, кроме визитеров-де-тантников, не берет на себя смелость думать, что он «знает о советской России все»...

Внимание Х. Смита привлекает не столько убийственная опека над гласностью со стороны ЦК-ГБ, сколько

«та самоцензура, которой подвергает себя большинство русских и которая... является также и следствием общенародной мании любыми средствами приукрашать действительность и скрывать тайные пороки или добродетели русской жизни либо неприятную правду, которая находится в противоречии с коммунистической пропагандой. Почти все в какой-то мере участвуют в негласном сговоре о сокрытии того факта, что советская действительность не соответствует заявлениям партийной пропаганды».

Более того:

«... Разумеется, всякому обществу свойственно преуменьшать свои трудности, показывать себя с наилучшей стороны и стремиться произвести хорошее впечатление на визитеров. Однако в советском обществе, для которого предметом особой гордости является его утопическая идеология, эти тенденции доведены до крайности».

...В царское время это называлось «строить потемкинские деревни» по имени князя Потемкина, соорудившего бутафорские деревни вдоль пути следования императрицы Екатерины Великой, чтобы создать впечатление благоденствия находившихся под ее властью областей. В наши дни русские называют это **показухой**.
(Курсив Х. Смита).

Я не знаю, что в обобщающих идеях Х. Смита потрясает более: марксистская идео-

²⁾ Обложка вышеуказанного издания книги Х. Смита «Русские».

логия в качестве «предмета особой гордости» «советского общества» или Его Светлость Показушник Потемкин как прецедент сквозного, тотального подавления советских граждан. Но благая весть, которую автор «Русских» принес Америке, окупает, по-видимому, все несообразности книги. Еще бы: в нынешнем мировом (американском — тоже) отступлении перед силой и наглостью, кому не дорога мысль: «У нас это невозможно»³⁾ — мы не такие?»

2. ИСТОКИ

«Три источника и три составные части» русской модели Х. Смита угадываются довольно легко. Это: а) советская пропаганда; б) расхожий набор «почти-почвеннических», «почти-националистических», но вместе с тем безупречно лояльных казенно-патриотических штампов и в) несколько диссидентско-нигилистических постулатов легковесно-«западнического» характера. В восприятии Х. Смита эти источники легко согласуются, ибо все они, каждый по-своему, с разных позиций, в различных целях, но утверждают исконную несопоставимость русских и западных мерок. Основа и русского, и советского общественного существования — это властепокорность, бездумное послушание силе — вот вывод, извлеченный Х. Смитом из всех источников.

«Согласно словарю, родина — это родная страна, страна происхождения, отечество, страна, где человек родился. Однако все эти значения не передают мочегей власти этого слова, сказанного по-русски. Это слово заставляет русского человека при каждом удобном случае... заявлять о своей лояльности, испытывать гордость и ощущать себя частью нации; это ощущение дает ему спокойствие и уверенность, то чувство локтя, которое в наши дни не знакомо ни американцам, ни представителям западных стран.»

Некий тридцатилетний экономист Анатолий просвещает своего собеседника с шовинистически-просоветских позиций:

«Мы называем это «квасным патриотизмом», — сказал он. Как и многие другие выражения, характеризующие сущность русской жизни, это понятие дословно непереводаемо; оно требует пояснения. Квас — это получаемый брожением из воды и сухарей черного хлеба крестьянский напиток с хмельным привкусом; дешевый квас напоминает несвежий кофе — горький, цвета мутной воды напиток с осадком на дне. Летом в любом городе России вы можете увидеть женщин в белых халатах, продающих квас в стеклянных кружках, в которые они нацеживают его из больших металлических передвижных цистерн, окрашенных в шафранный цвет. Иностранцы обычно от второй кружки отказываются, но русские берут ее с наслаждением; в дерев-

нях же делают собственный домашний квас. Итак, понятие «квасной патриотизм» означает земной, крестьянский, интенсивный, русский вариант патриотизма.

— Шовинизм? — спросил я.

— Да, шовинизм и нечто даже еще более сильное, — подтвердил Анатолий.»

«Люди готовы практически на все, когда считают, что их отечество в опасности, — сказал Анатолий. — Это относится не только к военной опасности, но и к идеологической, потому что страну захлестывают чуждые идеи. Понимаете, то, что люди считают таких, как Сахаров и Солженицын, предателями, совершенно естественно. Все очень просто: Сахаров и Солженицын обращаются за помощью к иностранцам (наш разговор происходил в 1973 г. после интенсивной кампании в печати, направленной против этих двух ведущих диссидентов), Империалисты используют этих двоих. И поймите, что бы там ни говорили, империализм по-прежнему — наш враг. А раз наш враг использует этих людей, значит, они предатели.»

С темой «партийно-квасного» патриотизма сливается тема общенародного самовосхваления на почве смешанной мании неполноценности и величия.

Некий «блестящий молодой консультант в области международной политики» говорил Х. Смигу о постоянном стремлении «русских» «пускать пыль в глаза» иностранцам: «Это идет нам на пользу, этот обман компенсирует нашу слабость, комплекс неполноценности перед иностранцами. Как нация мы не можем чувствовать себя на равных с другими. Независимо от того, кто из нас сильнее — они или мы. И если они сильнее, а мы это чувствуем, то обманывать их — для нас утешение. Это очень важная особенность нашего национального характера.»

Казалось бы, в 1970-х г.г., после стольких самиздатских, тамиздатских, западных и эмигрантских книг об СССР, после стольких прорывов цензурного фронта внутри страны, уже нетрудно понять, в чем истоки действительно маниакальной самооценки советских подданных и не менее маниакального славословия, которое затопило печатать. Но нет... Х. Смит и «Анатолию», и «молодому блестящему» верит. Он даже самостоятельно развивает их суждения:

«Английский корреспондент Давид Бонавия дал мудрую оценку парадоксальной лояльности инакомыслящих интеллектуалов: «Они напоминают человека, который днем бьет и ругает последними словами свою жену, а ночью приползает к ней в постель. Они любят Россию, даже те, кто порвал с ней, уехал из нее». Мой московский приятель рассказывал, как одна русская, сорок лет прожившая в Париже и при первой же возможности поехавшая в Россию в гости, вернулась в Париж с единственным подарком, о котором молили ее друзья-эмигранты, — с чемоданом, полным русской земли. На Западе я встречал и евреев, которые вели тяжелую борьбу за право на эмиграцию, но, оказавшись на чужбине, вдруг начинали ощущать себя лишенными корней и испытывали отчаянную тоску по родине. «В духовном, культурном отношении я — русский», — горячился один из этих людей во время нашей встречи в Нью-Йорке. Поэт Иосиф Бродский, переехав на по-

³⁾ Заглавие романа Синклера Льюиса, США, 1930-е годы.

стоянное жительство на Запад, написал Брежневу о своей надежде на то, что его творчество сохранится как часть русской литературы. Приезд в СССР Марка Шагала в 1973 г., после полувека, проведенного в изгнании, вылился в волнующее возвращение домой, в котором проявилась вся страстная привязанность славян к своей родной земле.»

Оставим в покое славянина Шагала... Но в инспирированных беседах агенты власти объединяют любовь к России с верностью советской идеологии, с казенным патриотизмом, и Х. Смит немедленно идет на крючок. Отдадим ему должное: в его книге отчетливо обнажается механизм, формирующий представления визитеров-детантников о русском народе и его отношении к коммунизму.

А вот и вульгарно-«западнический» критицизм. Это говорит Х. Смит: «Слово «Родина» возбуждает в душе русских тот нутряной патриотизм, который испытывают американцы при звуке слов «свобода» и «демократия». Русским же, по его убеждению, эти высокие слова невяжны и чужды. На помощь ему приходят готовые блоки чужих высказываний. Привожу одно ⁴⁾: «В силу исторической традиции или по какой-то иной причине идея самоуправления, равенства перед законом, свободы личности и связанной с ними ответственности почти совершенно непостижима для русских». Я читала, что А. Амальрик — историк. Где же история? Куда девались казачьи республики и сибирские или северные поселения — создание тех русских, которые так и не смирились с крепостничеством? Где крестьянские войны XVII и XVIII веков? А различные религиозные толки, сохранявшие веками упорную самобытность наперекор жесточайшим гонениям? Посредством какой косметической операции убраны с лица русской истории — ради спасения Мифа о «двухтысячелетнем рабстве» — столь разноликие и разновременные факты русского существования, как городское вече и сельский общинный мир? Почему игнорируются все политические заговорщицкие движения и мощный радикализм XIX столетия? А беспрецедентно гражданственная литература? И непрерывное, то подспудное, то прорывающееся на поверхность общественной и литературной жизни движение образованной части общества, которое теперь принято называть борьбой за гражданские права? Оно сопровождало в различных формах все фазы существования досоветской России и добилось в XIX — начале XX в.в. огромных ус-

пехов. Х. Смит о России почти ничего не знает. Но как может русский историк игнорировать уничтожение целых слоев советских русского и нерусских народов русскими и нерусскими большевиками? Десятками миллионов смертей Россия оплатила и продолжает оплачивать свою насильственную «монолитность». Зачем же правительству во властепокорной стране сохранять такие могучие аппараты дезинформации и внутреннего насилия? Не для того ли, чтобы с их помощью обеспечивать пассивность общества, маскируемую под «нутряное единство»?

Безнадежно путая казенную риторику с мировоззрением поработенных людей, не замечая того состояния глухой войны, в которой находятся власть и общество, валя в одну кучу самые различные вещи, Х. Смит пишет:

«...русские мыслят только двумя категориями: «за» и «против». В них глубоко въелось скептическое отношение к тем, кто придерживается нейтралитета. «Он — наш человек» или, наоборот: «Он — **чужак**» — это достаточно для оценки человека.»

Казалось бы, какие достоинства и преимущества может иметь подобное миропонимание и отношение к людям и власти? Но здесь-то и начинается самое странное:

«Таким образом, Россия избежала того духовного пессимизма, который поразил культуру Запада. Русские в принципе сохранили непоколебимую веру в правильность своего образа жизни, хотя причин для этого у них было меньше, чем у некоторых других стран. Они ворчат по поводу нехватки товаров, высоких цен или коррупции; в душе они, может быть, и не возражали бы против каких-нибудь поверхностных реформ, но им незнакомо муки-неверия в свои силы, стремление с пеной у рта осуждать свою страну или приступы отчаяния, которые терзали американцев и жителей других западных стран в последние годы.

...Чувство непогрешимости родины в них так же непоколебимо в наши дни, как это было в Америке до трагической агонии во Вьетнаме, которая вызвала у некоторых людей чувство национальной вины и понимание того, что их нация может быть способна на зло.»

Не спешите радоваться: «чувство национальной вины» возникло у американцев не тогда, когда Южный Вьетнам был поработен Северным. Свободолюбивый и самокритичный американец по сей день не понимает, что его сограждане совершили роковую ошибку не тогда, когда половинчато и неуверенно защищали Южный Вьетнам, а тогда, когда отказались СЕБЯ там защищать. Не приходят ему на ум и такие вопросы: если «русские» непоколебимо уверены в непогрешимости своей родины, то зачем обществу антисоветский фольклор, Самиздат,

⁴⁾ А. Амальрик, Просуществовает ли Советский Союз до 1984 года? 1969, Фонд им. А. Герцена, Амстердам.

Тамиздат и эмиграция, а государству — лагерь, тюрьмы, психзастенки, ссылки, высылки и тотальный надзор за гласностью? Лишь ради кучки истеричных интеллигентов, с которой можно бы расправиться за несколько дней?

Но преимущества русских не исчерпываются, в глазах Х. Смита, сказанным выше:

«... русские — народ большой общественной сплоченности. Они легко организуются в группы, и человека трудно оторвать от нее. В настоящее время слово «коллектив» стало священной категорией советского мифотворчества, уступающей первенство только понятию «Коммунистическая партия». Когда говорят «рабочий коллектив» подразумевают, что роль его гораздо шире, чем простое объединение в бригаду рабочих определенной профессии. Колхоз или завод отечески заботится о членах коллектива — обеспечивает их жильем, школами, оказывает им другие услуги, организует их досуг и даже иногда следит за их личной жизнью. Рабочие очень любят выезжать вместе на рыбалку автобусами, которыми их обеспечивает предприятие...»

«... В рабочих или студенческих общежитиях русские живут в такой тесной близости, что люди запада сочли бы это проявлением клаустрофобии. А здесь чувствуют себя нормально...»

Какое же это «мифотворчество»? Ведь Х. Смит убежден, что «коллектив» и впрямь, а не только в газетах, журналах и социалистической литературе, осчастливил советского человека! Если в своих общежитиях, вызывающих у нормальных людей клаустрофобию, русские чувствуют себя отлично, то и лагерные бараки окажутся, того и гляди, для НИХ не такими уж страшными!

Мы уже отмечали, что с помощью своих просветителей Х. Смит обнаружил у «русских» смешанный комплекс величия («морального шовинизма») и исторически предопределенной неполноценности. В этом закомплексованном состоянии

«ощущение себя частицей мощи Москвы компенсирует все. Лишь ничтожная горстка инакомыслящих вышла на Красную площадь с протестом против советского вторжения в Чехословакию. Они были арестованы раньше, чем сумели развернуть свои транспаранты.»

А все остальные не вышли по той (исключительно) причине, по какой не вышли бы на подобную демонстрацию «люди Запада»? Потому что не разделяют идей демонстрантов? У Смита множество таких противопоставлений: американцы прогнали Никсона, а «русские» кремлевскую мафию не прогоняют; американцы заставили свое правительство уйти из Вьетнама, а «русские» приветствовали оккупацию Чехословакии и так далее. Мысль о том, насколько несопоставимы последствия акций протеста для

американцев и для советских людей, насколько несравнима их информированность о действиях и побуждениях правительства не приходит американскому наблюдателю в голову. «Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи», — произнесли когда-то самодовольные европейские буржуа, не подозревающие, что существует такая стадия «небогатости», когда дорогую вещь купить невозможно. Х. Смит рассуждает в том же ключе, что и эти практического ума люди.

В монологах Х. Смита поставлены рядом

«глубоко укоренившееся влияние на русский характер и институты таких исторически сложившихся явлений, как концентрация власти в центре, чинопочитание, ксенофобия простых людей, пустопорожнее критиканство, свойственное чуждой народу интеллигенции, страшная привязанность русских к матушке-России, привычное подчинение масс верховному вождю и безоговорочное принятие зияющей пропасти между правителями и управляемыми.»

«Чем дольше я жил в Советской России, тем более истинно русской и, следовательно, менее подверженной фундаментальным изменениям она мне казалась. Всякий раз, когда мне представлялось, что я вижу признаки изменений, русские интеллектуалы выводили меня из заблуждения.»

Ну, что ж, спасибо «русским интеллектуалам», которые просматриваются достаточно отчетливо: «пустопорожнее критиканство чуждой народу интеллигенции» — фразеологический штамп официоза, окрашенный лояльно-«почвенническим» эпитетом; «ксенофобия простых людей», — осколок той уплощенно-«западнической» модели, о которой мы уже говорили. Можно сопоставить даже цитатно.

Вот что пишет Х. Смит о немногих людях,

«которые хотя и пользуются более ограниченными правами общения с иностранцами, часто проявляют в этом большую личную заинтересованность и ведут себя более свободно. К их числу относятся представители интеллектуальной элиты, молодежь, подпольные художники, евреи, решившие эмигрировать. Цели некоторых представителей интеллигенции идут лишь не намного дальше того, чтобы завоевать на Западе репутацию либералов, добиться приглашения в Америку или потягивать посольский джип и виски, сохраняя при этом безопасную дистанцию.»

Белый путешественник, иронизирующий над пристрастием туземцев к посольской «огненной воде», не понимает, что не столько он наблюдает этих «почти свободных» общающихся с иноземцами россиян, сколько над ним надзирают из-за их спин (иногда непосредственно их глазами). Не почувствовал он за три года и того, что в СССР нельзя быть настоящим либералом (по-

русски — свободолюбцем), не навлекая на себя тем самым серьезной опасности. Либерализм и на Западе, и в СССР моден, но и на Западе, и в СССР настоящий либерализм противостоит и фронде, и моде, и радикализму, и тоталитаризму.

Стремление либералов, националистов, верующих, деятелей искусства и пр. передать на Запад свои протесты или работы Х. Смит ставит рядом с махинациями «фарцовщиков» и погоней за импортными тряпками:

«Некоторые молодые люди заинтересованы только в том, чтобы купить ваши джинсы или новейшие западные музыкальные записи, художники — в том, чтобы продать свои картины, а евреи и диссиденты — опубликовать свои протесты. Но во всех этих группах попадались люди и в самом деле интересные» (все-таки попадались) «и склонные к откровенности, способные, **сохраняя лояльность** критически относиться к своему обществу и стремящиеся поделиться своими мнениями и опытом. Некоторые из них стали нашими личными друзьями.»

В этом отрывке чрезвычайно симптоматичны подчеркнутые нами слова: симпатию и интерес Х. Смита вызывают люди, одновременно и открытые, и **лояльные**. Нелояльность несколько раз прямо и косвенно характеризуется им как **ОЗЛОБЛЕННОСТЬ** против режима, **которая ему неприятна**. Он говорит о лояльности своих друзей не с целью их реабилитации перед властью: когда он хочет, он находит приемы для передачи любых воззрений. Объективисту-детантнику импонирует модель **ЛОЯЛЬНОГО К РЕЖИМУ ОБЩЕСТВА**.

3. ЕЩЕ ОДНА «СДАЧА ИНТЕЛЛИГЕНТА»

В (боюсь, что) непоправимом уже общественном амплуа выступает в общении с Х. Смитом Андрей Вознесенский. Х. Смит рассказывает:

«Однажды вечером мы с Энн наслаждались ужином у поэта Андрея Вознесенского и его жены Зои. Нам подали изысканные рыбные деликатесы и другие закуски (которые играют важнейшую роль в русских обедах и которым придается большее значение, чем основному блюду). Вдруг зазвонил телефон. У Андрея был необыкновенный телефон: он не звонил, а щебетал, как птичка. Поэт ответил и о чем-то быстро заговорил. Потом, прикрыв трубку рукой, спросил меня, не знаю ли я, как достать два билета на решающий финальный матч мирового первенства по хоккею между шведами и русскими, который должен был состояться на следующий день вечером. Случилось так, что у меня как раз было два лишних билета, которые я и принес в тот вечер Андрею в подарок, но еще не успел ему об этом сказать. Он был в восторге, тут же сообщил об этом своей собеседнице, и, сияя, повесил трубку. Я думал, что он сам пойдет со своим другом на матч и почув-

ствовал разочарование, узнав, что он собирается отдать оба билета, которые считались в те дни в Москве очень большой ценностью. «Это неважно, — успокоил меня Андрей. — Для меня гораздо важнее, чтобы эта женщина получила билеты в подарок. Вы знаете кто она? Она для нас важнее правительства. Она — директор одного из самых больших московских продовольственных магазинов и посылает нам самые лучшие продукты. Все, что мы ели сегодня за ужином, все эти **закуски**, которые невозможно достать, мы получили от нее. Причем за все это вы не можете просто переплатить. Эта женщина страшно богата: деньги, и немалые, она получает от многих. Ей они больше не нужны, но она страстная любительница хоккея. А на эту игру ей удалось достать только один билет, который она отдала мужу. Но ей нужны еще два, потому что она хочет пойти на стадион со своим любовником. Так что, отдав ей эти два билета, я сделаю большое дело.»

Перелистаем несколько страниц. На каком-то сентиментальном спектакле в одном из московских театров Х. Смит был поражен сначала слезами публики, а потом грубой толкотней в раздевалке. Он пишет:

«Женщины вокруг меня вытирали глаза, не в силах даже аплодировать, а буквально через пару минут те же самые женщины грубо толкались в толпе у гардероба, словно чувства, вызванные пьесой, не оставили никакого следа в их душе. «И слезы, и грубость — эти инстинктивные проявления — рождаются в желудке, а не в голове», — услышал я позднее от Андрея Вознесенского. — И это очень типично для русских.»

Все на месте: Андрей Вознесенский заставлял «русских» расплачиваться за судьбоносную для него, независимого поэта, роль желудка — роль «дефицитных закусок», заставляющих его лакействовать перед могущественной легализованной воровкой. Претерпевший внятное для него самого нравственное крушение человек часто бывает склонен распространять свое желудочно-предопределенное падение (ведь сегодня как правило речь идет не о жизни, а лишь о благополучии) на «ВСЕХ».

Мудренно ли, что и приятель поэта воспринимает самые широкие слои «всех» весьма упрощенно?

4. НАРОД ГЛАЗАМИ БЕЛОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

«Вечером, когда колхозники едут домой, поезжайте за ними на вокзалы, и вы увидите, кого русские называют **НАРОДОМ** (выделено Х. Смитом), толпы тех, о ком чиновники и интеллигенты в частных разговорах упоминают свысока или даже с презрением.»

Хорошие Смиуту попадались «интеллигентсы»!... А вот и впечатления автора:

«В 11 часов вечера зал ожидания был переполнен — там было около двух тысяч человек. Все места, где можно было сидеть, были заняты. Люди спали на скамьях, на полу. Все в этом

скоплении говорило о их скудном, полном тяжелого труда, существовании — мрачные реплики, грубая одежда, жалкие пожитки, подавленность долгого ожидания. Русские любят хвастаться тем, что они много читают, но во всем зале я заметил лишь человек пять-шесть, заглядывающих в газеты. Деревенские женщины с широкими плоскими лицами и гладко стертymi, как дерево старой стиральной доски, скулами, были крепкие, словно лошади. Они сидели на скамьях, как сидят мужчины — расставив ноги, сомкнув руки на животе; в них не было и намека на женственность.»

Высокопоставленная рвачиха, уделяющая крохи с господского стола прославленному поэту, скользнула по репортажу. Смита нейтральной тенью — чем-то наподобие владельца крупного западного супермаркета. Но загнанную и полунищую советскую женщину из толпы, из потока он представляет западному читателю неожиданно высокомерно:

«... полки женщин помоложе несут охрану у дверей аэропортов, вокзалов или универмагов с готовностью вратарей, упрямством тренеров, мрачностью бульдогов и беззаветностью французских войск под Верденом, которые поклялись: «Они не пройдут».

По-видимому, господина Смита куда-то несколько раз не пустили, и он нашел винюватых...

Относительно крепких, «словно лошади», деревенских женщин замечу (в качестве — долгие годы — одной из них), что в уже сравнительно легкое для деревни время (1960-е г.г.) довелось мне лично участвовать в массовом (по самодеятельной инициативе одного сельского главврача) обследовании здоровья сельских детей и женщин. Оказалось, что дети весьма и весьма ослаблены, многие инфицированы туберкулезом, а около 80 (восьмидесяти!) процентов женщин больны хроническими заболеваниями сердца, сосудов, почек, яичников, нервов, костей из-за каторжного труда в колхозе и дома, простуд, пьянства мужей и общей нечеловеческой тяжести быта. Да и нашуемшую новомировскую повесть «Неделя как неделя» Х. Смит вспоминает. Какое уж тут здоровье?

Х. Смит за три года не мог не заметить тесноты советских жилищ, скученности всех трех поколений семьи в одной квартире, повседневных «приемов» в кухне — потому что в комнатах (или в комнате) кто-нибудь уже спит, или болен, или просто не должен участвовать в разговоре.

Но и тут приходит на помощь тенденция: русские традиционно неприхотливы и, более того, склонны... к мазохизму.

Ну, вот, для примера:

«Не бояться холода, так же, как и глотать водку, — это составные элементы русского мазохизма и у мужчин, и у женщин.»

Да и тяжесть их быта упрочена тем, что она русских традиционно «мало волнует» (хотя выше упоминалось уже и о «безудержной страсти» их «к наслаждениям»; впрочем, почему бы мазохистам не наслаждаться именно тяжестью своего быта?) Так что, уважаемые «люди Запада», не судите о них по себе и в этом вопросе.

«Большинство из тех десятков квартир, которые мы посетили, обставлено разнокалиберными столами и стульями, словно натащенными с чердаков. Комнатам не хватает живости красок, но русских это мало волнует. Они принимают как само собой разумеющееся, что кровать, на которой они ночью спят, днем может служить диваном. Иногда большую комнату разгораживают занавеской, отделяя спальняный уголок ребенка от места, где спят родители; особенно это распространено в коммунальных квартирах с их пятью звонками у входных дверей и большими комнатами, в каждой из которых живет целая семья. Ковры в таких комнатах падаются лишь изредка. Комнат-столовых не существует; для трапез иногда используют письменный стол, установленный в большей из комнат, предназначенных для сна. Многие квартиры оставляют впечатление постоянного, но удобного беспорядка. Они не кажутся специально, спешно прибранными к приходу гостей, как и их хозяева не кажутся специально приодетыми. Это бывает лишь в праздники или, если кого-либо из русских официально обязывают быть готовым к приему иностранцев. Стиль жизни в русских домах естествен и лишен внешнего лоска. Я пришел к выводу, что это — одна из наиболее привлекательных сторон образа жизни русских, одна из черт, характеризующих их общую непритязательность в частной жизни. Русские гораздо меньше, чем американцы, например, заботятся об обязательном соблюдении декорума, о том, чтобы не отстать от других, о том, чтобы быть всегда тщательно вымытыми, вычищенными, хорошо пахнущими, с ароматным дыханием, всегда иметь свежий вид. В России человек может быть прыщавым, невзрачно одетым, потным, может иметь потрепанный вид, но его все равно принимают.

(Курсив наш).

А куда от них денешься — от потрепанных и невзрачно одетых друзей, бегущих к тебе, не успев побриться и переодеться после работы? Ведь и сам таков. Пренебрежения водой и мылом я у нормальных людей в России не замечала, но выходные, а тем более вечерние туалеты есть там, действительно, далеко не у всех. И белье там меняют не ежедневно, не напасешься и не настираешься...

У очень разных писателей: у М. Бегина («Белые ночи»), у Вас. Гроссмана («Все течет»), у А. Федосеева («Западня») — есть размышления о природе и государственном смысле советских очередей, явления, родственного «дефициту» «ангсоца» Дж. Орвелла («1984»). Но, в глазах Х. Смита, и СОВЕТСКАЯ очередь — ключ, в первую голову, к постижению исконно-русского национального духа:

«Когда проходишь мимо таких очередей, кажется, что это стоят почти недвижимые ряды смертных, обреченных пройти через некое торговое чистилище, прежде чем сделать свои скромные покупки. Однако иностранец не видит ни того скрытого магнетизма, который таится для русских в очередях, ни их внутренне-го динамизма, ни их особых законов...

...Русские согласны стоять в очереди — в прямом и переносном смысле слова — намного дольше, чем большинство людей в мире.

...Русские проявляют ко всем этим явлениям удивительное равнодушие.»

В Уганде и в Камбодже люди стояли в долгих очередях — за смертью под молотами аминовцев и под ножами «красных кхмеров». Узники гитлеровских лагерей уничтожения стояли в очередях на «селекцию» и в газовые камеры. А после двух последних войн Европа не зверела от голодного отчаяния в разнообразных очередях? А очереди в бесплатные ночлежки и за благотворительным супом в Америке времен «великого кризиса»? Но, вот, об очередях в магазинах России начала XX века мне что-то не приходилось читать и слышать. Связать советские очереди исключительно с упомянутыми им же не раз «трудностями советской жизни» журналист-детантник никак не может. И опять возникает интригующий «национал-психологизм»:

«...Вечные страдания потребителей имеют, однако, и положительный результат — любая удачная покупка доставляет огромную радость и составляет предмет гордости.

...Русские — меньше материалисты, чем американцы, но они испытывают особое чувство удовлетворения и радостное ощущение достигнутой цели по поводу сравнительно простых вещей в значительно большей степени, чем люди на Западе, для которых покупки не связаны с такими трудностями...

...Я видел полные педобозноного возбуждения взгляды женщин, целую вечность простоявших в очереди и вернувшихся домой с хорошим шиньоном или с югославским свитером. Вид этих женщин радует глаз.»

И это — сразу же после замечания, что русские, пытаясь определить возраст американцев, дают им обычно «лет на 8-10 меньше, а американцы русским — на 8-10 лет больше, чем на самом деле», то есть ровесники отличаются друг от друга по внешнему виду лет на 16-20! И ведь отмечено, что «трудности советской жизни» играют в этом немалую роль. И все-таки «вид этих женщин радует глаз...» Почему? Да потому, очевидно, что «русские» мазохисты (десятки национальностей или только великороссы — неясно) для того и созданы, чтобы так радоваться. Им это приятно.

Но продолжим нашу совместную с Х. Смитом экскурсию:

«То тут, то там путешественнику бросаются в глаза приметы страны, живущей по старым традициям: женщины, терпеливо подметающие улицы метлами на длинных палках, крестьяне, гнущие спину на полях с мотыгой в руке, касиры в магазинах, шелкающие — тук-тук — на старинных деревянных счетах. Долгие месяцы прошли до того, как я начал понимать, насколько велико влияние русского прошлого на советскую действительность.

Боюсь ошибиться, но мне кажется, что женщина-дворник для довоенной царской России была явлением уникальным. Я что-то не могу припомнить ни одного литературного ее портрета. На счетах в начале века еще щелкали всюду. Первые тракторы начали ввозить в Россию в 1913 году, т. е. вскоре после их появления на мировом рынке, а к 1917 году 25% **крестьянских** (не помещичьих) хозяйств уже владели усовершенствованным инвентарем⁵⁾. Развиваясь в подобном темпе, Россия забыла бы о мотыгах (там, где можно без них обойтись) к 1930 году. В 1912 году Россия вывозила зерна ровно столько же, сколько ввозит сегодня: 15,5 млн тонн, а русское производство главных зерновых превышало на 28% продукцию Аргентины, Канады и Америки вместе взятых, (сейчас оно меньше американского)⁶⁾.

Крестьян же в СССР и вовсе нет: колхозники и совхозники, использующие, кстати, далеко не одни мотыги, это не крестьяне, а государственные илоты. На приусадебных же клочках в 0,15 - 0,60 га и мотыга удобна.

В отклике на книгу вряд ли уместна статистика, но здесь невозможно без нее обойтись. Приведу несколько данных из статьи А. Федосеева⁷⁾.

«В 1913 году

1. Царская Россия производила хлеба на 30 процентов больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые.

2. Крестьяне царской России владели более чем 80 процентов всей пахотной земли.

3. Промышленное производство царской России увеличивалось с 1890 по 1913 год в среднем на 17 процентов в год. Поддерживать такой рост на протяжении 23 лет не могла ни одна страна в мире.

4. Авиационная промышленность царской России была на уровне таковой в США. (Советская пропаганда, как известно, утверждает, что царская Россия не имела авиационной промышленности вообще.)

5. Законодательство царской России давало рабочим больше прав и возможностей, чем в любой другой стране. Закон 1866 года обязывал работодателя обеспечивать бесплатную амбулаторную и больничную помощь рабочим. В 1907 году ею пользовались 84 процента всех

⁵⁾ А. П. Столыпин, «Посев» № 9, 1979.

^{6, 7)} А. П. Федосеев, Советский уровень жизни через полвека социализма. «Посев» № 1, 1977.

рабочих. Закон 1912 года ввел государственное страхование рабочих от болезни и несчастных случаев. При этом рабочий платил только 1-3 процента заработка, а остальное платил работодатель. Женщины-работчие в царской России имели оплаченные отпуска по беременности.

6. Начальное обучение в царской России было бесплатным, а с 1908 года — и обязательным. Каждый год, с 1908 года, открывалось по 10.000 новых школ. В 1923 году 82 процента всех детей в возрасте от 12 до 15 лет и 93 процента мальчиков были грамотными. Для сравнения: во Франции в 1935 году было 7,5 проц. неграмотных. В 1943 году в США 13,9 проц. призывников были неграмотными. Пользуясь официальной советской статистикой, можно подсчитать, что в 1967 году в СССР было 39 процентов людей, которые не окончили никакой школы и нигде не учились.

7. В царской России было всего лишь 32.750 заключенных, то есть 0,02 процента от всего населения. Для сравнения: в Англии в 1967 году было 0,19 проц. — почти в 10 раз больше.

Если уровень жизни в царской России в 1913-1914 годах взять за 100 процентов, то в Англии он будет 80 процентов. В 1968 году он будет в Англии 216 процентов, а в СССР — 47 проц. (Между 1914 и 1968 годами скорости инфляции в Англии и в СССР были примерно одинаковы).»

Современная советская цензурная политика кажется Х. Смиту прямым продолжением царской цензурной политики, которая не делится им ни на какие периоды.

Скачок из начала XIX века в конец XX, традиционное упоминание о Достоевском, осужденном **не за литературную деятельность**, уподобление «репрессий» против Толстого «репрессиям советской власти по отношению к свободомыслящим писателям» (она и согласно мыслящих репрессировала под горячую руку — сотнями) — всего этого можно было бы легко избежать, перелистав один-два комплекта журналов предреволюционных лет. Например, вполне благонамеренную «Ниву» и сдержанно оппозиционную «Русскую мысль», к либерализму которых (обоих изданий) и не приближался «Новый мир» в его самые смелые годы. «Нива» в военные 1915-16 гг. публиковала восторженные статьи о Горьком, очерки Корнея Чуковского, в том числе — его большую статью о недопустимости разжигания шовинистических антинемецких настроений в гимназиях. В некрологе графу Татищеву «Нива» писала о свободе печати последних лет как о великом завоевании российского общества. «Русская мысль» в комментировании, мне кажется, не нуждается.

«Приметы прошлого» не исчерпываются счетами, дворянчиками, мотыгами и цензурой. Вот что я прочитала в книге Х. Смита о женщине из современной советской интеллигентной среды. Несколько «молодых преуспевающих» специалистов (Х. Смит

чаще попадают преуспевающие, чем неудачники) обсуждают с автором «Архипелаг ГУЛаг»:

«Тайком прочитав эту книгу, они были взволнованы, потрясены ее содержанием. Когда же я спросил мнение об этой книге у жены одного из них, она беспомощно пожалала плечами. «Женам мы таких книг не даем, мы, читаем их сами», — поспешил вмешаться муж, даже не заподозрив, что принижает интеллектуальность жены.»

И ниже:

«Как-то я спросил у диссидента, боровшегося за права человека, почему под воззваниями диссидентов так мало женских подписей. «Если женщины подпишут воззвание, над ним будут смеяться, — сказал он. — Вы не понимаете, что у нас здесь все еще средневековье.»

И, хотя попадались автору

«другие супружеские пары, где муж и жена жили насыщенной и совершенно равноправной интеллектуальной жизнью» —

он сразу же принимает тезис о традиционной российской женской отсталости, не различая ни слоев, ни народов, ни районов СССР.

Он «даже не заподозрил», что неучастие (**кстати, мнимое**) женщин в недозволенной деятельности может диктоваться соображениями осторожности, а не отсталостью. Если уж обращаться к традиции, то Х. Смит читал, надо думать, кое-какую русскую классику и мог бы припомнить, что свободомыслие и углубленный интеллектуализм были свойственны образованной русской женщине и 150 лет назад. Но человек видит то, что он настроен видеть.

5. А ЭТО — КТО ?

В книге Х. Смита даже многочисленные удачные и интересные ее места не возмещают ошибочности основной идеи. Октябрьский переворот 1917 года **перерубил исторически преемственное развитие всероссийской жизни, а не продолжил ее тенденции, характерные для начала XX века**. Он повернул Россию не вспять (последнее было бы не так страшно: после смуты она снова пошла бы вперед и, может быть, осторожней), — он повернул Россию в практически новую для европейских цивилизаций сторону — в ТУПИК, в который сегодня рвется весь мир. Особенность этого тупика состоит, помимо всего остального, в том, что он прекращает всякое плодотворное самодвижение и подменяет его «сознанием», то есть произволом, верховной власти. Развитие фактически прервано; все его аргументы, все побуждения к нему распо-

ложены отныне в областях воли и сознания власти и общества. Первая (власть) по неустранимым структурным причинам не может работать лучше, чем работало экономическое самодвижение; второе (общество) подавлено и бесправно, ибо власть не хочет изменять своего абсолютного характера. Та «вторая экономика», о которой много и интересно пишет Х. Смит, и представляет собой уродливую, но единственно доступную советскому строю форму хозяйственного самодвижения. Однако искаженные, вынужденно уголовные формы этого самодвижения не привлекают к себе как правило людей шепетильных и не способны политическим изменениям.

**
*

Х. Смит заключает свое трехтомное повествование о «русских» репликой своей супруги по поводу пустякового, но весьма характерного для СССР эпизода у бензоклонки:

«Ты видишь, — сказала Энн, — и в этом нет ничего нового. То же самое было при царях. Это те же самые люди.»

Допустим. А ЭТО — КТО?

«Суть дела заключается в том, что, вступая в партию, вы фактически продаете свою душу. Продаете ее якобы во имя спасения человечества. И убедив себя в том, вы решаете, что все остальное, включая утраченное чувство собственного достоинства, является мелким и ничтожным.

... Одна из партийных догм говорит, что человек, входящий в партию, должен избавиться от «буржуазного багажа», который у него был до этого. В понятие такого «багажа» входят те свойства духа, которые признают независимость и свободу личности, — и поэтому все, что говорит об этих свойствах, считается недопустимым «недостатком пролетарского сознания». Все мое прошлое, как выходца из рабочего класса, прошедшего испытания нужды и голод, было недостаточным для того, чтобы сделать меня «пролетарием». Только постыдное отречение от духовной независимости могло доказать мою веру и открыть мне дорогу в партию.»⁸⁾

В американскую компартию, господа, — в компартию народа, лишенного русских традиций и комплексов!

«Конечно, мне и раньше неоднократно приходилось переносить и оскорбительное пренебрежение, и связанное с ним чувство горечи. Но ничего подобного в течение всей своей жизни я никогда не испытывал — вне коммунистической партии. Даже смотритель в тюрьме, где я отбывал наказание, как политический преступник, несколько лет спустя, не относился ко мне

с таким убийственным пренебрежением. Смотритель тюрьмы, о котором я говорю, в сущности, был человеком сердечным, он относился ко мне и к другим заключенным гуманно и сочувственно. Только в коммунистической партии, только у коммунистических вождей, как показал и мой собственный опыт, и опыт многих других, можно встретить такое высокомерно пренебрежительное и презрительное отношение к людям вообще.»⁹⁾

В своей книге Х. Смит охарактеризовал Сталина как «грузина по происхождению, обладающего великорусской ментальностью» (и очень на последнем настаивал). Это понятно: иначе Сталин никак не влезал в исключительно национальную, русскую этиологию советского строя.

А Говард Фаст, уходя после XX съезда КПСС из американской компартии, пишет:

«Мы должны были предупредить американский народ и народы всего мира о той страшной опасности, которая заключается в нашей организации и которая является неотъемлемо присущей коммунистической партии вообще. После этого мы должны были бы распустить нашу партию раз и навсегда.

Путем всевозможных уловок, маневров и трюков руководству партии удалось, однако, оттянуть созыв съезда до тех пор, пока уход из партии людей, не потерявших совести, не обеспечил им победы. Таким образом, руководители партии смогли продолжить свою «деловую лавочку.»¹⁰⁾

И они ее продолжают по сей день, несмотря на непоправимо явное отсутствие у них великорусской ментальности, которую Х. Смит обнаружил даже у Сталина. Их сравнительно мало (явных), но не меньше, чем было большевиков в начале века в России.

Далее следуют поразительные сцены нападок американских левых «либералов» — НЕКОММУНИСТОВ — на бывших коммунистов, порвавших с АКП или исключенных из нее после XX съезда. Привожу лишь немногие из этих сцен:

«Богатая дама, сбрасывая с себя соболью шубу, за которую было заплачено пять тысяч долларов, сказала: — «У нас только один рубль — путь гражданской войны и баррикад. Рабочие должны будут сражаться на смерть — до тех пор, пока на улицах не польется кровь, как вода». Она говорила захлебываясь, предвкушая интересное зрелище, когда кровь рабочих будет литься как вода.

Американский бизнесмен и его жена, разодетая как кукла, чьи драгоценности и туалет стоили больше десяти тысяч долларов, с негодованием заявили мне: — «Что из того, что в Венгрии погибло двадцать пять тысяч людей... За такого рода вещи нужно платить».

За какого именно рода вещи? За зверства и насилия в Венгрии во имя большевистской партии? За трескучие слова, сказанные атомными маньяками, способными принести на алтарь своего безумия половину своего народа?

«Труссы, — кричал этот бизнесмен, — и вы,

8, 9, 10) Говард Фаст, Голый Бог. Перевод с английского. Издание Центрального Объединения Политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ) Мюнхен, 1958. Все цитаты из Г. Фаста — по этому изданию его книги.

и Гейтс, и Маркс, и вся ваша компания, все вы труссы»...

...Миллионы некоммунистов считали каждого, исключенного из партии, пропавшей и проклятой душой, продажным и опасным человеком, которого нельзя больше пускать в приличное общество.

Много лет миллионы добропорядочных американцев считали, что человек, изгнанный из коммунистической партии, был или полицейским шпионом, или подлецом. Исключенные становились отверженными не только в глазах членов партии, но и в глазах прогрессивных кругов, во много раз более обширных, чем партия.

Излишне упоминать, что многие из исключенных были виновны лишь в независимом образе мыслей.

Это говорит американец об американцах, а не россиянин о россиянах.

Х. Смит уверяет, что американец трепещет от гордости при словах «демократия» и «свобода». Кто же уступил насильникам и наркоманам коридоры и классы множества школ, в которых учатся его дети! Кто СЕГОДНЯ УЖЕ несвободен ходить по вечерним улицам и ездить в ночных подземках своих больших городов? Кто кокетничает с терроризмом и неспособен защитить от него своих сограждан в стране и за границей? Кто отождествляет Вьетнам с Чехословакией, а генерала Пиночета — с Иди Амином или Пол Потом? Кто боится стеснений в использовании горячего больше, чем утраты достоинства и суверенитета? Забыв о берлинской олимпиаде 1936 г., кто Жизнерадостно собирается на Московские олимпийские игры 1980 года?...¹¹⁾

Я не хочу уподобиться герою известного советского анекдота с его неизменно тупым ответом на все обвинения против СССР: «А у вас негров линчуют...» Негров, кажется, уже не линчуют. Но американского обывателя и его ребенка линчует многоликое маниакальное насилие, организованное и неорганизованное. НЕ ВЕЗДЕ, НЕ ВСЕГДА, НЕ ТАК УЖ ЧАСТО, НЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ? Совершенно верно. Но, когда будет везде, всегда и государствен-

ное, СТАНЕТ СЛИШКОМ ТРУДНО И ОПАСНО БОРОТЬСЯ. Как нынешним «русским» (китайцам, кубинцам, восточным европейцам, вьетнамцам, камбоджийцам и пр.). Не всюду находится генерал Пиночет, не боящийся, что его, как генерала Корнилова, слепые задуют или обольют грязью. Либо и задуют, и обольют грязью....

...Пришлось мне в недавнем споре спросить одного из израильских советологических визитеров, слышал ли он о разрыве Говарда Фаста с американской компартией и о его «Голом боге». Мой собеседник, американец, ответил, что, кажется, что-то слышал, но не читал. Но зато он читал книгу Х. Смита и весьма компетентно рассуждал — с его слов об исторической амнезии «русских». Мне же представляется, что историческая амнезия не менее универсальна для человечества, чем грипп.

**

Теперь, вернувшись на родину и приступив к описанию «русских», которое он вручит своим соотечественникам, детантник автоматически превратится в десантника. Ибо он объяснит (и от всей души, от доброго сердца, без чьего бы то ни было поручения) своим соотечественникам два весьма утешительных для них момента: русским гражданские права не нужны, ибо русские в силу своей исторической ментальности своим положением премного довольны. А «у нас это невозможно», ибо «мы» не русские. И погибнет единственный исторический ценный результат страшного коммунистического эксперимента в России — ОПЫТ.

**

В одном из своих обобщающих экскурсов в русскую психологию Х. Смит заметил, что русским льстит, когда иностранцы разговаривают с ними на их языке: тогда они становятся несколько доверчивей.

Господа, если вы встретите Журналиста или Советолога, старайтесь говорить с ними на их языке. А вдруг поможет?..

¹¹⁾ Это было написано до Афганистанского кризиса. (Прим. ред.)

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

СОВЕЩАНИЕ

(Окончание. Начало см. в № 16).

Остается удел страха, ощущение угрозы, мании, с переходом — как показывают факты жизни — к патологическим, необратимым

изменениям в сознании, шизофрениям, паранойям, и не так редко полному умопомешательству. Спросите персонал сумасшедших

домов: сколько у них доживаете веку бывших энкаведистов. Я когда-то спрашивал, ответы меня ошеломили и озадачили.

А те, кто не сошел с ума? И до посоха и сумы не упал, а, по обывательскому представлению, живет припеваючи, дом полная чаша, дача за высоким забором, «Волгой» на базар клубнику отвозит и прочее? Если встретите такого бывшего палача, и он вам скажет, не сморгнув, что ни о чем в жизни не жалеет, что прожитой жизнью гордится, доволен, или что он, тем более, счастлив, — не верьте. ЛЖЕТ. И не столько вам, сколько в первую очередь себе: изо всех сил себя убеждает, судорожно убеждает каждый день, потому что очень трудно и хитро построенный домик самоубеждений постоянно разваливается почему-то, его нужно укреплять и подстраивать, и заново строить и строить до самой смерти. Своего рода труд Сизифа, так же однообразно повторяем, такой же процесс в границах процесса, такое же наказание.

Из той, как я считаю, меньшей части палачей, кто не сошел с ума, чья личность не развалилась заживо, но уцелела в пределах, так сказать, среднестатистических стандартов, из этих, оставшихся нормальными, что делает большинство, как вы полагаете? Так ведь ПЬЮТ. Большинство этих якобы нормальных — не то что глухие пьяницы, а законченные, кристальные алкоголики. И можно ли их в таком случае считать нормальными?

Древнее наблюдение: совесть отлично топится в вине. И страх тоже, неясные вишящие угрозы всякие. Но это одна сторона дела. Топится, пока действует вино, пока сознание искусственно, алкоголем, приведено в состояние оглупления, забытья. Когда действие алкоголя кончается, состояние ужасное, нужен немедленно новый алкоголь, и так без конца.

Организм одних долго этого не выдерживает и безвременно разваливается. Другие в отчаянии спохватываются, или их близкие спохватываются, делают попытки лечения алкоголизма, антабусы и прочее. Здесь любопытно спросить у медперсонала отделений больниц для лечения алкоголиков: сколько прошло через эти отделения бывших энкаведистов. И опять ответ поразителен и озадачивает. Но что лечится-то? Следствие, а не причина. Знаю случаи, когда и приняв антабус, в безумии, ничего не помня, пьют — и как по писаному умирают. А те, чей организм особо долго тянет при беспросветном алкоголизме, представляют,

согласитесь, довольно мрачное зрелище.

В соседнем подъезде дома, где я когда-то жил, обитал один такой типичный алкоголик, энкаведист малого чина на пенсии. Его фамилия была Таран. Этого Тарана никто никогда не видел трезвым. Руки его тряслись, лицо буро-восковое, слюни изо рта. За столом доминошников во дворе его презирали, над ним потешались, но в числе «на троих» за углом гастронома он непременно был — пенсию-то пропивал, рубль и копейки всегда имел.

Дополнительно было известно, что он служил в СМЕРШЕ. Менее внятно он проговаривался, что то ли постоянно был ИСПОЛНИТЕЛЕМ, то ли только от случая к случаю приводил приговоры в исполнение. Но что-то его сильно мучило: может быть, он делал даже большее, чем от него требовалось, или что-то по **собственной** инициативе делал, чего можно было вообще не делать. Допиваясь до прострации, метался, терзал на себе одежду. Бабушки во дворе качали головами: «Как душа его горит! Как демон его терзает!». Временами он даже катался по земле, пуская пену и брыкался ногами. Это называется «алкогольная эпилепсия».

Этот Таран умер довольно жалким образом. Притащившись как обычно и повалившись на кровать в бессознательном состоянии, он лежал ничком, у него пошла рвота, которую он захлебнул в дыхательное горло — и так задушился. При склонности к символам, эту смерть в собственной блевотине, можно было бы назвать довольно символической.

А иногда они казнят сами себя. Расскажу о трех самоубийствах.

Первое. Я знал случай, когда директор сельской школы (живший, по сельским понятиям, очень хорошо, богато живший) вдруг зарубил топором в кроватях спящих жену и детей — и затем повесился сам на балке в кладовке. Случай был настолько дикий и необъяснимый, что следствие долго доискивалось, не было ли это убийство, искусственно замаскированное под самоубийство. Была одна деталь, из ряда выходящая, трудно объяснимая. Руки висельника были заведены за спину, обвязаны веревкой по запястьям, и эти веревочные кольца соединены и заперты на висячий замок, ключ от которого сколько ни искали, так и не нашли. Но криминалистика как раз знает подсобное явление, когда самоубийцы разными хитроумными способами как бы страхуются от спасения, от передумывания

в последний момент, в том числе описаны и случаи запирания себе рук для надежности на замок, с выбрасыванием ключа куда-нибудь в кусты или выгребную яму.

Происшествие, конечно, потрясло село и весь район, его долго обсуждали на все лады, недоумевая: «С ума ли он сошел?» Чего ему нехватало? Дом полная чаша, жил как буржуй, по сравнению с другими, греб откуда мог, льготами пользовался», и так далее. Нет, и алкоголиком не был. Выпивал как всякий здоровый мужчина, на именины, на праздники, крепко выпивал, но держать себя умел, так что водка здесь не при чем. Нельзя предположить приступа временного помешательства (как условно записали, чтобы закрыть следствие и как-то формально объяснить то, что на первый взгляд казалось совершенно необъяснимым).

Но объяснение просилось на поверхность, намеком содержалось в шепоте колхозников, сквозь зубы, по углам: «Собаке собачья смерть». Такое он заслужил, оказывается, (в кавычках) «соболезнование», так, значит, его любили. Он был не только обычным, типичным представителем колхозной, так называемой, «номенклатуры», этой сельской элиты, единственно благоденствующей при бедности и беде остальных, — он еще был нештатным представителем органов безопасности в данном селе, уполномочен был следить за настроениями, писал отчеты. Карьера его началась в сталинские времена. Редкая карьера тогда делалась без доносов. И в своей школе — из сил выбивался, чтобы сделать школу показательно-передовой, липовая успеваемость, барабанный идейный шум, школе постоянно присуждалось какое-то там переходящее знамя. На совещаниях в районе и области директор, конечно, на цыпочках перед начальством танцевал, мановение руководящего мизинца ловил, а у себя в деревне — лев рычащий, конечно, и все в таком роде. О, какое это изнурительное дело. Вся жизнь, без проблеска, во лжи, изворотливости, слежке, интригах и так далее. И хотя бы ради чего-то действительно крупного, а то — директор школы, где-то в глубинной глуши, куда по осеннему бездорожью, бывало, месяцами не было проезда, только трактор и проходил. Вот эта удача в жизни! И так, значит, надо до конца дней отбарабанить, и там же на сельском кладбище почить. Нет, перспектива у него еще была: говорили, что его прочили в члены ревизионной комиссии обкома, но своим неосмотрительным самоубийством он заставил кого-то возмущенно

поморщиться в обкоме, и гигантское место члена ревизионной комиссии досталось иному счастливцу.

Экстраординарность случая говорит, по-видимому, и о какой-то экстраординарности личности. Видимо, какими-то углами, эта личность вылезла из предписанных шаблонов. И, может быть, ей однажды открылась свирепо-холодная истина. Раз открывшись, уже не уходила. И какой же ледяной она должна была быть, эта истина, если перед лицом ее совершенно невозможно стало жить, и нужно было не только убить себя, но перед этим топором рубить в кроватях жену, детей — род свой убить. Затем обдуманно соорудить петлю, запереть себе руки на замок, сунуть голову в петлю и ногами отбросить табуретку подальше... Вообразите себе, какое душевное мученье, и безвыходное, и бесконечное, могло довести до такого шага. Хотели бы вы такой жизни? С постом директора, и даже члена ревизионной комиссии, домом — полной чашей, переходящим знаменем от райОНО и прочей ЧЕПУХОЙ. Где здесь отыскать хоть след счастья, если оно тут и не ночевало.

Второй случай — не экстраординарный нисколько, личность ничем не примечательная. В Туле, в одном из старых коммунальных домов повесилась простая домовая стукачка. Она была в прошлом детдомовка, то-есть без отца, без матери. Когда выросла — стала обычная гулящая девчонка, в меру воровка, в меру пьянчужка, и по-видимому при приводах в милицию ее быстро привлекли к стукачеству. Родила дочку неизвестно от кого, стала мать-одиночка. Жила в крохотной голой комнатенке — клопы, гнилые половицы, жалкое тряпье. Растила дочку, которую очень любила, и которая была, собственно, единственной отдушиной в ее жизни, работала сторожихой магазина, по совместительству активно стукала на весь дом. Все это знали, в коридорных ссорах кричали ей в глаза: «Стукачка! Сексотка!» Дочка на тульском базаре познакомилась с грузинком, привозившим продавать мандарины и лавровый лист, тот на ней женился и увез в Грузию. Казалось бы матери радость, что дочь удачно пристроилась. А она посидела, посидела одна несколько месяцев в своей каморке, среди окликов «Стукачка» — и повесилась. Что особенно мрачно: даже среди самых жалостливых старушек, какими так богата наша Русь, не нашлось ни одной, которая бы ее пожалела: мол, каждый ведь хочет жить, и она, несчастная, как-то хотела, как-то спа-

салась, и что она видела за свою короткую жизнь (повесилась она, когда ей не было и сорока)? Темная жертва советской действительности, имя которым легион. Нет, люди, помнили, скольких она погубила доносами, особенно в войну, и после войны. Она — тоже помнила. Свирепая история, вопиющая какая-то. Сколько их, таких, разыгрывается, невидимых миру трагедий — никто никогда этого не подсчитывал и не будет подсчитывать, к сожалению.

Наружу выплывают и становятся широко известными редкие случаи, когда личность была уж слишком знаменита, но и тогда не анализируют, а спешат что-нибудь солгать, чтобы затушевать истинные подоплеку. В этом смысле, как впрочем, и во всех других, можно считать показательным случай с самоубийством писателя Александра Фадеева.

Знаменитый автор «Разгрома» и «Молодой гвардии», лауреат сталинских премий, член ЦК и борец за мир, Александр Фадеев был личностью довольно страшной. Во все годы самых жестоких сталинских расправ Фадеев возглавлял Союз советских писателей, был, так сказать, правой рукой Сталина в области литературы, санкционировал расправы и, возможно, их подсказывал и намечал. Иначе как бы ему уцелеть? С годами Фадеев все больше пил, превращаясь в алкоголика.

После смерти Сталина, во время Хрущевских реабилитаций, Фадеев стал лечиться и совершенно перестал пить. Казалось, все хорошо: он жил в Переделкино на даче, что-то писал, много думал — и одним весенним утром застрелился у себя в кабинете. Два дня понадобилось высшему руководству на обдумывание, как об этом сообщить, и когда, наконец, вышла «Правда» с портретом Фадеева в траурной рамке, в некрологе черным по белому была напечатана неправда: что Фадеев-де покончил с собой из-за алкоголизма.

По случайности я, будучи студентом Литературного института, жил тогда в об-

щежитии в Переделкино, по соседству с дачей Фадеева. Мы студенты, были в числе первых, кто сбежался к фадеевской даче при известии, что он застрелился. Мы знали ряд подробностей. Он оставил на столе два объемистых запечатанных конверта с надписями, на одном: «ЦК КПСС», на другом: «Мой семье». По-видимому, в них заключалось то, что он писал все последние дни. Конверты, как и весь его архив были взяты под стражу КГБ и потом — бесследно исчезли. Жаль. Эти предсмертные письма могли бы быть очень важным свидетельством: что ощущает и что думает бывший палач, приняв решение о самоубийстве — и почему он к этому решению пришел.

Но и без такого свидетельства, независимо от любых объяснений, вот, субъект, достигший максимальной власти в своей области, и славы, и материальных благ, — почему же он пил? А потом не пил? А потом застрелился. Это была **счастливая** жизнь? О, я не хотел бы иметь подобную жизнь, такой конец; не знаю, кто бы хотел.

Итальянско-немецкий философ Романо Гцардини утверждает, что если у человека нарушена связь с истиной, он заболевает духовно. Он еще не болен, когда лжет и творит зло, но знает, что способен вернуться к совести и правде. Если же с истинной порвана связь без возврата, то человек болен. Внешне он может казаться здоровым и преуспевающим. Но сознательная, без надежды на конец, «двойная жизнь» может оказаться такой невыносимой, что человек даже выбирает смерть. Определение это полностью подходит ко всем трем описанным случаям самоубийств. Но самоубийства — это все же **крайний** случай, именно, когда личности так невыносимо, что ей даже предпочтительнее умереть. Я думаю, стоит рассмотреть то состояние личности, сотворившей много зла, когда она до крайности НЕ доходит. Когда она со стороны кажется здоровой и преуспевающей. Именно: кажется.

(Смерть писателя оборвала эта ступень).

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

С ужасом видим в «Нашей Стране» написание **Мэкка!** По нашим связям с народами Азии, имя священного города мусульман

нам, русским, столь же близко как славные имена Рима и Афин, и прочно увековечено в нашей поэзии пушкинскими строками:

Блажен факир, узревший Мекку
На старости холодных лет

и гумилевскими:

Все, что свершить возможно человеку,
Он совершил, — и он увидит Мекку!

Буква э хороша на своем месте; не подобает ею злоупотреблять, как В. Андерс в «Русской Жизни», пишущий **Педро дэ Вальдивия**. По-русски всегда пишется: **Лопе де Вега**, **Тирсо де Молина**, **Примо де Ривера**. Неправильно и употребление, в той же газете, слова **югославянин**, вместо **югослав**. Она ведь издается по-русски, а не по-сербски! Удивляет там же повторение, под пером В. Криворотова, клеветы на Галича, за якобы богохульство, уже не раз исчерпывающе опровергнутой в печати. Сам-то Криворотов не одумается, хоть ему и ангел явись с неба со вразумлением (завопит, что это — провокация!); но зачем редакция себя компрометирует, публикуя дикие бредни? Наоборот, целиком согласимся со статьей Н. П. «Америка спасает китайский коммунизм», сурово осуждающей сию неумную политику. Любопытна по материалам краткая биография Махно, составленная Е. Макаровским. Если верить ему, того звали **Нестор Иванович**. У Багрицкого в «Думе про Опанаса» он — **Нестор Михайлович**. Кто из двоих ошибается?

В январском номере «Родины», сплошь заполненном статьями Б. Солоневича, справедлива его основная мысль: «Эволюция советской власти невозможна».

«Зарубежная Русь» за октябрь-декабрь вновь поднимает вопрос, бывают ли и правые интеллигенты, или только левые? Для автора данных строк, он представляется нелепым: я себя всегда чувствовал монархистом и интеллигентом; кто и которой части этого статута попробует меня лишить (правда, теперь все так спуталось, что не вполне ясно, считать ли монархистов правыми или левыми)? Можно, конечно, мелочью как мы не заниматься, а лишь великими людьми. Но и тогда, вопреки приводимым в журнале мудрованиям Степуна, — Достоевский, Леонтьев и Соловьев, несомненно, являлись интеллигентами; равно как и Гумилев, и Розанов.

Очерки и воспоминания А. Бахраха в «Русской Мысли» удручают злобным отношением мемуариста к литераторам, чьи портреты он дает; людям, заметим в скобках, гораздо более значительным, чем он сам; факты же, им приводимые, как правило, малодостоверны. Неохота входить в подроб-

ный разбор; лучше процитируем тут стихи, декламируемые Кузьмой Ивановичем Опричниковым в романе А. Амфитеатрова «Вчерашние предки»:

Хи-хи-хи! эх-эх-эх!
Эка штука! Экой грех!
Хо-хо-хо! ух-ух-ух!
Что за сказки для старух!

Только о коммунистке Эльзе Триоле он говорит растроганно, с глубокой, взволнованной нежностью. Воскликнем, как Лермонтов:

Понять невозможно его!

Правда, Триоле Бахраху оказала серьезную услугу, отсоветовав, после второй мировой войны, возвращаться в СССР... Зато с симпатией прочли мы статьи Н. Первушина о Е. Гинзбург, в «Русской Мысли» от 21 февраля, и В. Богдан об А. Вознесенском, в «Нашей Стране» от 15 февраля. Не потому, чтобы разделяли их мнение про данных лиц, а из-за их гуманного подхода и склонности видеть у подсоветских писателей в первую очередь те элементы правды и честности, которые у них, под игом, сохранились или возродились.

В «Русской Мысли» от 6 марта, М. Сергеев неосторожно предлагает авторам, не желающим, чтобы он их разбирал, ему адресовать частные письма. Маститый критик не учел, что тут выходит сделка за спиной у читателя, не вполне красивого вида... Мы за себя таких обещаний не даем: наш долг перед публикой — отзываться на все **важное** в эмигрантской прессе: плохое и хорошее.

Надо признать: литературная часть в «Новом Журнале» бледнеет. Почему бы? И зачем в № 137 помещена слабенькая вовсе новелла американца Дж. Чивера? Уж коли переводить, — отчего не выбрать что-либо поярче? Из стихов выше остального стоит «Антигона» О. Ильинского. В очередной части мемуаров Р. Гуля описывается его сотрудничество в 20-е годы в сменовеховской газете «Накануне». Быль молодцу не в укор! Но зря он передает **абсолютно** неправдоподобные сплетни психически неуравновешенной Н. Петровской, в частности, о Бальмонте. Талантливому, высококультурному и изумительно работоспособному поэту и превосходному переводчику (особенно, с испанского) разные вспоминатели, с легкой руки Бунина, приписывают вообще Бог знает что. Он был оригинал и непрочь почудить, носил отпечаток декадентства; все же, заметим, у него демонизм

оставался поверхностной позой (не то что, скажем, у Сологуба...), а в более серьезных стихах он постоянно тянулся к Богу («Млечный Путь», «Одна есть в мире красота...», «Звезда пустыни», «Служитель»).

Этюд М. Крепса (от кого мы больше ждали бы!) о Бунине разочаровывает. Он отождествляет **модернизм с эротизмом...**, а то и с **порнографией**. С его критерием, светилем модернизма окажется Боккачио, а адептом — любой рассказчик сальных анекдотов. Уже отмечалось, что Бунин смешивает любовь с физическим влечением, и выше того не берет. На подобном уровне какой же ответ на **вечную загадку человеческой жизни** мог он предложить? Человек, на радость ему и горе, не равен животным... Рассуждения же Крепса с социальной обусловленности героев русской словесности пренебрежительно отдают соцреализмом, и здесь весьма некстати: если уж она у кого заметна, то именно у Бунина, в лице его прожигающих жизнь разоренных помещиков, потерявших все устои, включая и моральные. Что до **готовности на любые жертвы**, увы: они, — дворяне и разночинцы равно, — ищут **себе** жертв, с безжалостным сладострастием насекомых, преимущественно среди юных и невинных девушек, скорее девочек; см. рассказы « Степа », « Гость », « Та- ня », « Галя Ганская » и др.

В статье «Зоотехник Барбу», М. Агурский резюмирует прошлое А. Янова в СССР, деловито констатируя: «Янов в своих взглядах всегда колебался в точном соответствии с линией ЦК КПСС». В. Пирожкова в «Десятилетия утопистов» дает обстоятельный (и пессимистический) анализ управления «так называемой социал-либеральной коалиции» в Западной Германии.

С неожиданным удовольствием находим в № 22 «Континента» взятый из Самиздата прекрасный очерк Г. Русского «Клейма» о **поморских подвижниках**, в манере, похожей на Солоухина. Не подчеркнутая в нем жуткая деталь: основателям севернорусских монастырей неоднократно виделось, словно бесы стараются разрушить их обители, опрокидывая здание наземь; что позже и сделали большевики. Прочую **литературу** в номере читать не в мочь: страх как скучно! В стихах Ю. Алексеев планирует:

Скрипи, скрипи, мое перо
Рисуй ажурные картины
Времен Второй Екатерины...

но в ушах у нас остается одно скрипение,

И мазурки ерунда...

У Е. Игнатовой больше таланта, судя по стихотворению:

В город Пушкин поедем, друзей навестим,
посчитаем потери...

хотя, для города как Царское Село, стоило бы и побольше постараться. Ю. Кублановскому мы бы готовы многое простить за намерение восхвалить Батюшкова, замечательного и чересчур редко вспоминаемого поэта. Однако, как можно чуть ли не самого гармоничного и мелодичного стихотворца на нашем языке воспевать в настолько корявых виршах?

Г. Андреев вроде бы защищает Россию от нападок А. Янова; да защита его — чуть ли не хуже нападков! Подходя с точки зрения нынешнего левого интеллигента с идеалами абстрактного гуманизма и неограниченной личной свободы (столь пагубных сейчас для Запада), он гневно клеймит русских царей и мыслителей правого толка. Невольно думаешь о нем по Демьяну Бедному:

Если были б все как вы
Ротозей,
То бы не было Москвы,
Ни России.

Вовсе напрасно зачисляет Андреев в лагерь руссофобов Лермонтова! Сочинив «Бородино», «Спор», «В шапке золота литого», тот незыблемо доказал свой патриотизм и горячую свою любовь к России, — понятно, не той, что теперь, а какая была и, даст Бог, еще будет, — врагам которой он бросил в лицо:

Вам нестерпима, вам обидна
Величья нашего зря;
Вам солнца Божьего не видно
За солнцем русского Царя!

К. Хенкин в отрывке из романа «Русские пришли», сообщает небезынтересные данные о провокаторской и шпионской деятельности чекистов за рубежом и верно указывает, что, хотя советские вожди куда менее культурны и хуже воспитаны, чем западные, побеждают-то всегда они. Только никак не можем присоединиться к его представлению, будто для большевиков выгодно наличие русской эмиграции! Полагаем, — наоборот!

П. Григоренко в наброске о взаимоотношениях между народами СССР упорно именуем старую Россию **колониальной империей**, каковою она никогда не была; а была **империей многонациональной**, подобно Австрии.

Номер 114 «Граней» открывается длиннейшим рассказом Б. Дышленко под диким названием «Антрну»: еще одна вариация в

стиле Кафки, Орвелла и Гексли! Конечно, советская реальность есть дурной сон... Но абстрактные фантастические истории, все на одно лицо, нам уже хуже горькой редьки приелись, особенно когда в них талант и не ночевал.

Наоборот, чудесны стихи Л. Владимировой о Москве:

По тебе, умолкшая Россия,
Древние звонят колокола.

И здесь опять мы наталкиваемся на фрагмент книги К. Хенкина «Охотник вверх ногами». Из коего видно, что не сладка доля журналиста в СССР: родная жена за ним шпионит для властей! Ну, — навзвался груздем, полезай в кузов... Вольно ж было Хенкину в эмиграции сотрудничать с большевиками и потом возвращаться в Советский Союз (откуда он, в дальнейшем, удирал, давай Бог ноги).

Любопытен отчет о дискуссии между подсоветскими писателями на тему «Классика и мы», свидетельствующей об идущей внутри России переоценке ценностей.

Очерк Э. Райса о Б. Поплавском подкупает разлитыми в нем теплотой и симпатией. Однако, для памяти парижского поэта, несомненно талантливого, оказалось бы полезнее, кабы его друг и почитатель не впадал в явные преувеличения, производя его в гении и восхищаясь его будто бы необычной эрудицией (верим, что Поплавский был покультурнее Райса; да оно ведь не трудно!). Еще хуже услугу делает Райс Поплавскому, цитируя, — с тем неизменно дурным вкусом, какой его отличает, — самые неудачные отрывки из самых слабых стихов своего покойного приятеля, и обходя лучшие молчанием!

Что до философских статей в номере, они такие умные и написаны таким специальным языком, что в них понять хоть что-нибудь вчистую неммыслимо.

В № 7-8 «Русского Возрождения» удивляет крайним легкомыслием перепечатанная работа И. Ильина «О демонизме и сатанизме». Почтенный профессор зачеркивает всю романтическую школу в искусстве как **демоническую** и неблагочестивую! На деле интерес к потустороннему, в том числе и к нечистой силе, пришел к романтикам из житий святых, из вполне набожного фольклора и из литературы и скульптуры истоково веровавшего Средневековья. А призванием романтизма послужило сменить классицизм, в последнюю эпоху своего существования бесповоротно погрязший в материализме, рационализме и житейском цинизме. Равно

как, позже, изжившие себя реализм и натурализм породили символизм, выражавший, несмотря на все свои эксцессы, новый поворот к духовному.

О пространной дискуссии между Н. Полторацким и кн. С. Оболенским на тему: были ли И. Ильин монархистом или непредрешенцем, скажем, что важность сей полемики от нас ускользает. Лишь узкий круг, в первую голову редакция и сотрудники «Русского Возрождения», возводят Ильина в оракулы и пророки. Для массы читателей, его политические взгляды довольно безразличны. Да и спор, сам по себе, весьма сероват, по принципу: с одной стороны, нельзя не сознаться (что монархия России нужна), а с другой, нельзя не признаться (что значительным группам старой эмиграции, содействовавшим ее разрушению, ее восстановление отнюдь не улыбается).

Большинство материалов посвящено церковным делам. В Зарубежье создается некоторый излишек духовных органов печати, тогда как у широкой публики есть ведь и иные проблемы. Епископ Григорий Граббе нас огорчает заявлением (если оно не камуфляж), что Заграничный Синод не имеет контактов с катакомбной Церковью в СССР и даже не очень к ним стремится.

Израильский журнал «22» (№ 8) отводит больше 10 страниц дискуссии «Кто такой Эдичка Лимонов?», содержащей высказывания от восторженных до ругательных. Мы-то склонны примкнуть к оценке Н. Воронель: «Он от рождения не знает разницы между уборной и гостиной». Жаль, что участники не расчлняют двух аспектов: 1) личность Лимонова (насквозь растленная и мерзкая) и 2) его трагическое положение эмигранта из СССР, в нужде и одиночестве (хотя, и то сказать, кто бы не хотел — я первый! — жить как он, не работая и занимаясь, чем сам предпочитает). Н. Воронель цитирует лебядкинские стишки:

Жил когда-то таракан,
Таракан от детства,
А потом попал в стакан,
Полный мухоедства.

В такой ситуации, трудно и таракану отказать в сочувствии!

Рассказ Л. Гиршовича «О теле и духе», в своем роде, еще противнее исповеди Эдички, по свертоткровенным описаниям самых интимных сторон половых отношений и всяких патологических гадостей мыслью и действием. Из статьи Д. Штурман «О, Русская Земля...» выпишем следующие дельные

наблюдения: «О скольких лицах мне довелось... услышать «агент ГБ», «стукач», «провокактор», «их человек»! Я не ребенок и понимаю, что «их людей» здесь больше, чем кажется самым подозрительным из нас. Побег они могут инсценировать, эмигрантов — фильтровать, высылку — разыгрывать по сценарию... Обо всем, о чем можем додуматься, в своей подозрительности, мы, можем додуматься и они. И важнее всего для них, нужнее всего, — чтобы мы в это поверили и перестали верить друг другу.»

В № 9 поражает невежеством рецензия Ю. Гофмана «Ариец из Конотопа» на статью Д. Жукова «Из глубины тысячелетий» в «Новом Мире» за апрель 1979 г.; которому он советует «заглянуть в учебник сравнительного языковедения». Но куда смотрел он сам?! Великий лингвист сэръ Вильям Джонс у него назван **Уолтер (!) Джонс**; древнеирландский язык стал **неиндоевропейским** (вразрез воззрения мировой науки); кельтские языки он именует **кельскими**. Теория, упомянутая Жуковым, будто прародина индоевропейцев находилась в южной России, может быть, и не верна; но она сейчас доминирует у специалистов, и так над ней издеваться, как Гофман, право же — глуповато. Выводить же индоевропейцев из Месопотамии нет ни малейших оснований (хотя там и обитало индоевропейское племя хеттов). Не будем дальше и разбирать эту **безграмотную болтовню** (определение, которое Гофман деликатно применяет к Жукову!).

Номер 130 «Вестника РХД» показывает факт, — впрочем, и без того известный, — что в области богословия прения имеют, и всегда имели, еще более страстный и острый характер, чем в политике. Свидетельство тому письма Г. Флоровского, — где есть все: мысли глубокие и верные, сомнительные и спорные; и явно неприемлемые вовсе, — который громит о. П. Флоренского и митрополита Антония; статья М. Агурского «Борьба вокруг Ветхого Завета», направленная против М. Меньшикова и В. Розанова; негодования А. Григорьева против Е. Барabanова; и полемика Н. Шеметова с периодическими сборниками «Надежда». Приведем его остроумное замечание об идущем в Зарубежье печальном состязании: «Кто позабористей оснастит журнал, будь то исследование об анекдоте, блатной песне или дневник неудачника-эмигранта, пытающегося перекрыть «Лолиту».

О. А. Шмеман и Н. Струве защищают Солженицына от нападков; к сожалению ос-

тается чувство, что они сами его плохо понимают. Автор «Архипелага» дает отрывок из «Октября Шестнадцатого»; но это не беллетристика, а чисто исторический очерк об А. Гучкове. Хороши — и как актуальны! — цитируемые тут слова этого последнего: «Мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией. И монархическое начало должно быть перенесено обновленным в новую Россию». В рецензии на книгу В. Розанова «Религия и культура» Н. Струве воспроизводит, — сопровождая сомнениями, вовсе недолжными, — блестящее размышление автора, что нам нужно: «ожить древним духом, тем прекрасным духом, прототип которого дала нам еще Киевская Русь, при сохранении той крепости сил, какую сумела создать Москва, и не отказываясь нисколько от правильных сторон просвещения, завещанного великим Петром».

В благожелательном, в целом, отзыве о «Голосе Зарубежья», в «Новом Русском Слове» от 7 марта, Б. Прянишников упрекает меня в **излишних эмоциях**. Так ведь **критик**, в любой сфере, — искусства, литературы, науки, — совмещает в себе адвоката и прокурора, и ему меньше всего подобает подходить к делу:

Добру и злу внимая равнодушно.

Читатель ждет от него откровенных и решительных оценок; иначе ему грош цена. Другой вопрос, что его мнения выражают, в меру его способностей, хороший либо дурной вкус и основательные либо убогие познания. Вот лгать, хитрить и притворяться он не имеет права, — если порядочный человек.

В № от 27 января С. Левицкий защищает антикоммунизм, который «играет роль объединяющей скрепы русской эмиграции, ибо на этом лозунге могут сойтись и монархисты, и демократы, и солидаристы», но считает нужным дополнить данное **существительное** еще каким-либо **прилагательным**, вроде **христианский, этический или демократический**. Вот это уже наводит на сомнения. **Христианский** нам бы вполне подошло, но примирятся ли с таким термином мусульмане, буддисты и иудеи, т. е., даже в рамках России и эмиграции, татары, калмыки и евреи? **Демократический** же допустимо лишь если считать монархистов тоже демократами; иначе, как раз, ненароком выплеснем за борт основную эмигрантскую массу! А **этический** годится-то для всех, но абсолютно ничего не уточняет! С двумя статьями В. Пирожковой на ту же тему («Еще об ан-

тикоммунизме» от 15 марта и «Любовь к палачам» от 4 апреля) остается полностью согласиться; особенно, со следующей фразой, — о коммунизме и марксизме вообще, — в конце второй из них: «Но нет ничего более жестокого при проведении его в жизнь, чем ложный абсолютизм».

Ньюйоркский «Гнозис» выглядит солидным и основательным литературным журналом. Но разумна ли выбранная им программа? Номер 5-6 весь посвящен попыткам прославить и возродить парижскую ноту. Между тем, ее адепты ведь ничего особенно значительного не создали: вершинной их творчества остается Б. Поплавский (поскольку Г. Иванова к ним целиком отнести нельзя). Гораздо более крупные тогдашние поэты шли иными путями: М. Цветаева, В. Смоленский, Н. Туруверов, С. Прегель. Признаться, мы испытываем искушение солидаризироваться с остроумной бутадой Г. Румянцевой, — в сборнике «Разрыв-трава» (Торонто, 1979), — охарактеризовавшей парижскую ноту как комариною!

Но пусть бы даже достижения отошедшего в прошлое богемного кружка заслуживали и более лестной оценки: претензии продолжать его линию пристали представителям новейшей эмиграции как корове седло. У тех несчастных изгнанников, переброшенных судьбой с берегов Невы на берега Сены, только что переживших великую катастрофу, которым было бесприютно и мрачно в ледяной для них безумно веселившейся междувоенной Европе, за ломанием и вывертами чувствовался подлинный надрыв. У их теперешних подражателей ощущается лишь ненатуральная и неловкая поза. Будем надеяться, что это у них — кратковременный переходный период.

Русские монпарнасцы являлись все же людьми не чуждыми общей культуре и, во всяком случае, неплохо знакомыми с французской литературой. А их сегодняшние эпигоны Жироду называют Жераду и Жозефа де Местра — Джозефом(!) де Местром...

Наиболее способной из группы «Гнозиса» кажется В. Андреева, автор статьи «Время Чисел» и ряда критических заметок. Старый эмигрант В. Яновский — писатель без тени дарования; впрочем, его воспоминания о 20-х годах не лишены интереса; хотя и сводятся к монотонному описанию выпивок, картежной игры и т. п. Статьи на литературные темы чересчур коротки, чтобы развить идею или сообщить информа-

цию; таковы очерки Е. Вагина о В. Печерине, Л. Черткова о Д. Облеухове, Е. Вертлиба о параллелях между Карамзиным и Достоевским.

В номере много стихов. Хотелось бы что-либо из них похвалить: рука не поднимается! Можно, порою, привести отдельные удачные строфы; например, из Л. Аранзона:

Вода в садах, сады — в воде.
Вдоль них спокойные прогулки,
пустые замки Петербурга
и небо при одной звезде.

Но ни одного целиком хорошего стихотворения...

Судя по составу участников, журнал очевидно должен осуществить единение первой и третьей волн, через голову второй. «Континент» уже пробовал, да не выдержал марку. Посмотрим, как получится у «Гнозиса».

Настойчиво рекомендуем вниманию монархического лагеря статью Р. Лерт «Поздний опыт», в «Синтаксисе» № 6! Старая большевичка — 73-х лет, с 53-летним партийным стажем; ныне исключенная, — мучительно обеспокоена встающей перед ее испуганными глазами вероятностью восстановления в России православной монархии. А уж верно, она, по своему рангу, осведомлена прекрасно. Урок тем, кто, в Зарубежье, не верит в возможность реставрации... В особый ужас приводят бывшую партийку сочиняемые молодежью поэмы, содержащие «гимн — апологию белой армии, которая сражалась «за Русь, за власть, за честь, за веру». На что она беспомощно возражает, что белые «грабили, убивали и насиловали», допуская, поневоле, что то же делала и другая сторона; но, мол, у красных были «и героизм, и самоотверженность, и благородство». Оные-то свойства встречались и у белых — и погуше! Грустно за вас, г-жа Лерт; да что сделаешь?

Река времен, в своем теченье,
унесшая ваши устарелые идеалы, имеет
сильный напор и, как сказал иной поэт:

Не заткнешь ее теченье
Ты своей гнилою пробкой!

Г. Померанц выступает **Адвокатом Дивола**; по росту и удельному весу он маловат спорить с Солженицыным, зато уж

Другие качества все есть:
одержимость духом зла, хитросплетения
диалектики и уйма лицемерия. В чем суть

его «Сна о справедливом возмездии»? Г-н Померанц не хочет ломки большевизма, а жаждет сохранения оно́го с легкими модификациями и, главное, при безнаказанности палачей (на нее мы, пожалуй, и согласились бы: да он нам все равно не поверит!) Припугивая нас **православным большевизмом** (хотя и сознает, что это **сапоги всмятку**), он нам норовит подсунуть **либеральный коммунизм** (а это уже **вкрутую!**).

Нет смысла штудировать по пунктам длиннейшую статью с казуистическими потугами поймать противника на пустых описках и оговорках: у какого писателя и публициста, на протяжении лет, их не найдется? Несомненно то, что ядовитые тирады сии, перемежающиеся глумливыми выкриками «Александр Исаевич сердится!» (на возражения), отнюдь не способствуют взаимному пониманию и примирению (не с тем и написаны!).

О правде Померанц практикует два критерия. От оппонентов он требует **абсолютной**, на земле недоступной (никакого насилия; счастье для всех, — и немедленно!); для себя же применяет **релятивную** (еще Понтий Пилат изрек: «Что есть истина?») Удобная система! Ну, а мы давайте-ка лучше выясним, кого не любит Померанц, на кого он сердится? Вот кого: 1. антикоммунистов. Как гаран, он употребляет Гитлера (с кем беда была не борьба с коммунистами; а что его идеология слишком походила на коммунизм); но равно ненавидит и Франко, и индонезийских генералов: зачем спасли свои страны от ГУЛАГов?! Коммунисты любят резать других; но не любят, когда их режут! 2. Белогвардейцев: они были **черносотенцы** и пороли крестьян шомполами (тут явственно просвечивают советские корни мышления автора); 3. Российскую Империю и, шире, русскую культуру: «Тот, кто ассимилирован русской культурой, становится вероятной жертвой; тот, кто ассимилирован российской политикой — веро-

ятым палачом» (романс на музыку Кюстина!); 4. Русский народ: «Народ считает себя русским (барским, царским, казенным, русским)».

Незачем углубляться. Определим **нашу** позицию. Мы, русские эмигранты, себя чувствуем: антикоммунистами; наследниками Белого Движения; россиянами (этническая принадлежность и время нам не важны). Итак, мы не можем быть вместе с Померанцем; и то, за что он ругает Солженицына, для нас не грех, а заслуга. Особенно противно, когда Померанц ссылается на христианство! Что же: и Сатана умеет цитировать Священное Писание... А о подобных Померанцу там сказано: «Лучше бы ему привязали жернов на шею...»

Даже за подписью А. Янова, приводит в недоумение статья «Дьявол меняет облик» (название-то, ох какое подходящее!); он ломает себе голову, как бы защитить большевизм, коему угрожает объединение русского **Вермахта** (!..) с русскими националистами. До чего ж неумные западные хозяева г-на Янова! А журнал, **такое** печатающий, — **кому** он служит?!

В плане борьбы с руссофобией, отметим в «Новом Русском Слове» от 28 и 29 февраля отличную статью В. Бондаренко «Русский империализм или нечто иное?», а также и статью С. Рафальского «Под чертополохом» от 24 февраля.

В «Свободном Слове Карпатской Руси» за январь-февраль, В. Нилов измывается над моей **обширной ученостью**. Учености-то нет (в журнальных заметках не к месту); но элементарная образованность есть; каковой Нилову остро не хватает. Галиция по-русски и называется **Галицией**; по-украински-то, верно, **Галичиной**; да я пишу не на мове, а русским литературным языком.

P. S. В прошлом обзоре испанскую поговорку надо читать: **A muertos y a idos no hay amigos**.

Рецензия

Б. Прянишников «Незримая паутина», 1979 г. Нью Йорк, 395 стр.

Поразительно, как быстро большевики сумели наладить тонкую провокационную и подрывную работу на Западе, прежде всего в рядах русской эмиграции, хотя и не только в ее рядах.

Несмотря на революцию, поставившую себе целью с корнем вырвать все прежнее, несмотря на гражданскую войну, положившую, казалось бы пропасть между белыми и красными, не все контакты были оборваны.

Многие офицеры бывшей царской ар-

мии пошли на службу в Красную армию. Их бывшие товарищи-офицеры, сражавшиеся в Белой армии и затем бежавшие за границу, все еще не могли привыкнуть смотреть на них, как на непримиримых идеологических врагов. Они легко верили в то, что эти люди только в силу человеческой слабости, обстоятельств или просто случайно попали на советскую службу, а в глубине души остаются теми же царскими офицерами, какими были в душе и они сами. Они им верили. Верили и другим специалистам еще царского времени. Широко распространено было убеждение, что коммунисты у власти долго не удержатся, власть понемногу переймут в свои руки «спецы».

Когда Якушев, крупный специалист еще царского времени, — и советский агент начал выезжать за границу, в эмиграции его приветствовали. Он ездил за границу с официальными поручениями советского правительства, он был членом наркомата внешней торговли, естественно, что его могли послать за границу с официальной миссией. Но у него была и другая миссия: он был сотрудником ГПУ, а эмиграции он рассказывал легенду, что состоит в целой организации, которая проникает уже чуть не во все руководящие круги советской власти. Ему верили. Он посетил в Ревеле бывшего офицера армии Юденича Артамонова, бывшего своего ученика по Императорскому Александровскому лицей. Как же Артамонову было не поверить Якушеву! Для него еще имели силу прежние связи, доверие к бывшему учителю Императорского лицея. Он писал потом друзьям: «Якушев — крупный спец. Умен. Знает всех и вся. Наш единомышленник. Он то, что нам нужно. Он утверждает, что его мнение — мнение лучших людей России... После падения большевиков спецы станут у власти. Правительство будет сделано не из эмигрантов, а из тех, кто в России. Якушев говорит, что лучшие люди России не только видятся между собой, в стране существует и действует контрреволюционная организация. В то же время впечатление от эмигрантов у него ужасное.»

Многие эмигранты поверили Якушеву, что тогда, в конце 1921 г., было и неудивительно, но... «Вернувшись в Россию, Якушев беседовал с чекистами. Глава ОГПУ и основатель кровожадной Чрезвычайной комиссии Феликс Дзержинский дал указания, как руководить «монархистами Центральной России» (Незримая паутина, стр. 35-36).

Якушев был при царе действительным статским советником и управляющим эксплуатационным департаментом водных путей министерства путей сообщения. Это не помешало ему стать сознательным и усердным агентом ГПУ. Организуя одну из наиболее успешных провокационных организаций ГПУ под названием «Трест», Якушев довольно часто бывал за границей и говорил эмигрантам: «В России происходит естественный процесс перерождения страны в неясные еще национальные формы, нужно мешать, а содействовать этому процессу.» Когда эмигранты удивлялись, как все это возможно, Якушев отвечал: «У нас свои люди везде, во всех советских учреждениях, в армии... Поймите, господа, что тут, в Берлине, вам трудно иметь представление о делах в России». (стр. 56).

Читаешь это и сразу приходит на ум, как широко теперь распространяются версии, что, мол, художник Глазунов может быть «оппозиционным» национальным художником, героем некоторых русских эмигрантов и одновременно любимцем советской власти, жалующей его званием заслуженного художника РСФСР и дающей ему «хорошую прессу», потому что, мол, в самом Политбюро сидят уже националисты, которые готовятся перевести Россию с коммунистических на национальные рельсы. В свое время Артамонов, поверив Якушеву, писал, что перемена власти произойдет через несколько месяцев. В наше время таких коротких сроков не называется, но делаются «намекы тонкие на то, чего не ведает никто», или наоборот, некоторые якобы весьма даже ведают. Д. Пospelовский, например, в статье «Русский национализм, марксизм-ленинизм и судьбы России» (Грани, №111-112, 1979 г.), ссылаясь на В. Осипова сообщает, что Глазунова поддерживает верхушка армии. А армия, якобы, отделима от партии. Снова возникают легенды русского бонапартизма, которые время от времени пускались в ход и всегда оказывались ложными. А если кто-либо из эмигрантов решается робко задать вопрос: как все это возможно? — то снова раздается: «вы отстали от родины», «разве можете вы в Нью Йорке или Париже судить правильно о том, что делается в России?», «Вы ничего не знаете и не понимаете». Сейчас это звучит даже еще убедительнее, чем в 1922 г., разрыв в годах значительно больше, это уже разрыв в десятилетиях, но несмотря на это эмиграция не должна дать себя запугать. Она не должна перестать спрашивать.

В книге Б. Прянишникова изложена подробно вся история Треста, предательство генерала Скоблина, сделавшее возможным похищение генералов Кутепова и Миллера.

В книге описывается другая «антисоветская» организация, созданная ГПУ под названием «Синдикат», заманившая в СССР Бориса Савинкова. В книге имеется очень много информации, так же и том, как даже опытные борцы с провокацией, например, знаменитый Бурцев, когда-то разоблачивший Азефа, временами попадались на удочку советской дезинформации.

Чрезвычайно интересны данные о так называемой «внутренней линии», организации в организации. В то время, как руководство РОВС'а было вполне безупречно, внутри этой организации удалось создать провокационную «внутреннюю линию». Нет сомнения, что такие «внутренние линии» имелись не только в РОВС'е и не только в русских антикоммунистических организациях. Они широко применяются во всем мире. Западным читателям следовало бы познакомиться с этой книгой и по ней изучать методы коммунистов. Но для этого западные политики слишком самонадеянны. Они толкуют феномен коммунизма вкривь и вкось, но с опытом тех, кто постигнул прежде всего и поэтому прежде всего понял сущность и методы этого феномена, они знакомиться не хотят. Впрочем, и среди русских антикоммунистов есть такие, которые не хотят принять этого опыта. О них немного позже.

Значительная часть книги посвящена началу НТС, носившему тогда название НТНСП. Описание его граничит с восторженностью и совсем некритично в противоположность трезвому изложению в других частях книги. У нас же некоторые аспекты вызывают сомнение. Так, например, мы не можем согласиться с тем, что во время второй мировой войны линия «третьей силы» была мудрой тактикой. Мне еще в те времена приходилось встречать людей (независимо от НТНСП), которые, придя в отчаяние, говорили, что организуют партизанские отряды и будут сражаться как против немцев, так и против советской армии. Я понимала этих людей субъективно, психологически, но с объективной точки зрения говорила им, что при столкновении гигантов маленькие группки не могут играть роли «третьей силы», и все зависит от территории: пока они находятся на оккупированной территории и подстреливают немецких солдат, они, желают того или нет, помо-

гают Сталину. Если они проберутся на неоккупированную территорию и будут подстреливать советских солдат, они, желая того или нет, будут помогать Гитлеру.

Между прочим, этот принцип применим не только во время войны. Так например, пока так называемые диссиденты находятся в Сов. Союзе и там заявляют во всеулышание, что они требуют только выполнения советской же конституции, они поступают храбро и хоть немного, но расшатывают советскую систему. Если же они, выехав на Запад, заявляют, что ничего другого не хотят, кроме выполнения советской же конституции, то они своей программой-минимум затемняют истинную сущность советского строя и подрывают ясный и определенный антикоммунистический фронт. Так что и здесь все зависит от территории.

Возвращаясь к НТНСП должна сказать, что не только мои личные наблюдения во время войны, но как раз книга Б. Прянишникова вопреки намерению автора вызывает впечатление, что уже тогда в НТНСП была своя «внутренняя линия». Доказательств для этого впечатления у нас нет, поэтому оно остается субъективным мнением.

Книга Б. Прянишникова написана по документам и то, что он излагает, достаточно проверено и доказано. Естественно, что это может касаться только относительно отдаленного прошлого. Для истории 40 лет — время небольшое, но для человеческой жизни это много. Поэтому мы и говорим об относительно отдаленном времени. О наших днях нельзя писать с такой же уверенностью, как о прошлом. У нас в руках нет доказательств.

Но нам представляется совсем нелепым утверждение, которое в наше время нередко можно слышать, что теперь советская власть на провокации широкого размаха вроде Треста неспособна. Не то она слишком для этого слаба, не то стала вдруг неумелой. Советская власть, будучи еще совсем молодой, едва-едва укрепившейся после гражданской войны, сумела создать несколько грандиозных и чрезвычайно умелых провокаций. А сейчас она не в состоянии создать провокацию еще более широкого размаха? Нелепо так и думать.

Г. Андреев уверяет нас, что Трест — это старая вещь, не надо об этой провокации даже и вспоминать. (Записки эмигранта «Русское Возрождение» № 7-8). Да разве один Трест был? А Синдикат, сменеховцы, евразийцы, младороссы, совпатриоты

ты и еще ряд других, всех и не упомнишь.

А ведь начал этот отдел своей статьи Г. Андреев даже хорошо, именно возражениями против диссидентской теории непротивленчества. Он пишет: «Поклонники „мирного возрождения“ говорят, что новую революцию, против коммунистического засилья, следует решительно отвергать, как и вообще насильственные действия против диктатуры. Странное, сказа бы я, требование. Диктатура гнет народ в бараний рог уже больше 60 лет, — а сопротивляться ей, тем более активно, оказывается, нельзя. Опять-таки, говорят нам, это вызовет ненужную резню, пролитие крови и т. д. Надо быть такими непротивленцами, каких свет не видывал, без усталости подставлять свои бока».

Что это за защита диктаторов? Зачем нам их защищать? Они сами защищаются, избивая нас, — а мы, может быть, должны их за это еще благодарить?.. Чего же так бояться „мирных возродителей“? И адвокатами каких дьяволов им хочется быть?» (стр. 223-224).

Написав эти, по нашему мнению, правильные слова, Г. Андреев затем отрицает возможность советской провокации в наше время. Неужели, задав вопрос, каких дьяволов адвокатами хочется быть «мирным возрожденцем»? — он не нашел ответа на этот вопрос?!? Эмиграция играет слишком малую роль, пишет Г. Андреев, времена не те, отдельные террористические акты советской

власти больше не страшны, как еще были страшны во времена Треста — в книге Б. Прянишникова можно прочесть, как Якушев отговаривал эмигрантов от террористических актов и вообще от вооруженной борьбы против коммунистической диктатуры, мы, мол, внутри сами все возродим без пролития крови.

Хорошо, отдельные террористические акты коммунизма в Сов. Союзе больше не страшны. А общее восстание в странах сателлитах, которое бы перекинулось и на сам Сов. Союз? Тоже не страшно? Как об этом думает Г. Андреев? Ведь пропаганда непротивленчества ведется параллельно во всех бывших эмигрантских органах, где теперь подвизаются «диссиденты», в польских и венгерских, в румынских и болгарских, во всей эмиграции из Восточной Европы. Это же параллельная акция. И рассчитана она вовсе не только на эмиграцию. Ведь издания попадают теперь и в сами эти страны, даже в СССР. Что подумают потенциальные борцы против коммунистической диктатуры, если будут находить на страницах свободной прессы, изданной на их родном языке, все больше и больше проповеди непротивленчества? Догадался Г. Андреев каких дьяволов адвокатами им хочется быть?

Под конец мы горячо порекомендуем каждому прочесть книгу Б. Прянишникова «Незримая паутина».

В. Пирожкова.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ:

К АРЕСТУ о. ДИМИТРИЯ ДУДКО

Несколько месяцев назад, одновременно во многих, выходящих на Западе на русском языке газетах и журналах, началась враждебная кампания против о. Димитрия. Направленные против него статьи располагались в широком диапазоне, — от мелких уколов («о. Димитрий потускнел», «о. Димитрий не интеллектуален», — «Вестник РХД» № 128 до грубой брани). Мысли о. Димитрия — «сознательная чушь», «слабумие», — «Наша страна», 9-XI-79), и вплоть до совершенно чудовищных намеков, что, по-видимому, не случайно, несмотря на столь смелые статьи и проповеди, о. Димитрий все еще находится на свободе («Голос Зарубежья» № 14, «Часовой» № 621,

«Русская мысль» 29-XI-79). Одна из статей, развивавших эту последнюю тему, так и называлась: «Загадка». («Наша страна», 30-III-79 г.) Загадка теперь разгадана.

Мы полагаем, что лица, поддержавшие и осуществлявшие эту кампанию, серьезно отягчили свою совесть. Вполне возможно, что появление этих статей способствовало тому, что именно сейчас арест о. Димитрия был признан целесообразен; направленные против него статьи могли быть восприняты властями, как признак того, что сейчас защита его на Западе не будет слишком эффективной.

У нас нет оснований предполагать, что указанная кампания является результатом

злого умысла, и мы надеемся, что участвовавшие в ней, попытаются искупить свою вину, отдав все силы защите отца ДМИТРИЯ ДУДКО.

Москва, 6-1-80.

**Вадим Борисов, Леонид Бородин,
Игорь Шафаревич, Игорь Хохлушкин.**

ОТ РЕДАКЦИИ: нам недавно переслали для публикации письмо четырех из Москвы. Имена известные, а потому это письмо ставит в тупик. Первая его часть дает искаженное представление об эмигрантской прессе. Авторы говорят о «кампании против о. Дмитрия Дудко» и создают тем самым впечатление, что в означенных органах печати были исключительно отрицательные высказывания относительно этого священника. На самом же деле, в них, в отделе «Письма в редакцию» (за письма в редакцию сама редакция не отвечает) велась дискуссия относительно некоторых мест в письмах и статьях, подписанных именем о. Дудко.

Так в нашем журнале было напечатано только одно письмо с сомнениями в № 14 и другое, скорее восторженное по отношению о. Дудко, в № 16. В «Нашей Стране» велась более длинная дискуссия, в ходе которой было больше восторженных писем об о. Дудко, чем таких, в которых высказывались сомнения. Назвать это «кампанией» совершенно невозможно.

Так же неточно цитируются примеры отрицательных выражений. Они вырваны из контекста и вызывают совершенно иное впечатление, чем в контексте. Например, слова «слабоумие» и «чушь» относились совсем не к мыслям о. Дудко, как утверждают авторы письма, а к факту опубликования призыва тайно засылать епископов в Сов. Союз. Если их засылать тайно, то зачем же публиковать это явно? Это вызвало недоумение, в связи с чем мы, например, высказали предположение, что это вообще писал не о. Дудко или, что он именно такими странностями в письме хотел указать, что он пишет его под давлением, что он несвободен. Это не только не кампания против о. Дудко, но, наоборот, попытка объяснить себе это странное письмо, не затрагивая о. Дудко.

В связи со странными искажениями в письме четырех того, что на самом деле писалось в эмигрантской прессе, у нас встает следующий вопрос: имеют ли авторы, живущие в Москве, широкий и свободный доступ ко всей эмигрантской прессе? Или их информирует кто-то, выдергивающий из эмигрантской прессы отдельные куски или даже отдельные слова и дающий им тем самым искаженное представление об этой прессе?

Если они имеют широкий и свободный доступ к эмигрантской прессе, то этот номер нашего журнала до них дойдет — мы сами все же не решаемся послать его кому-либо из авторов по почте из опасения им повредить. Но в предположении свободного доступа к эмигрантской прессе следует думать, что этот журнал до них дойдет. В этом случае мы просим авторов письма как можно скорее ответить нам и объяснить, чем вызваны явные передержки и искажения, которые имеются в печатаемом выше их письме.

Если мы ответа не получим, то будем предполагать, что авторы письма информируются кем-то однобоко и неправильно. В этом случае нам остается только пожалеть, что они стали жертвами дезинформации.

Предположение, высказанное во второй части письма, что КГБ при аресте о. Дмитрия Дудко ориентировалось на эмигрантскую прессу, вряд ли можно взять всерьез. Не говоря о том, что КГБ с эмиграцией не считается, для нас, христиан и свободных людей, ясно, что мы будем по мере слабых сил заступаться за каждого узника коммунистической тирании, независимо от того, согласны мы с тем, что он пишет или нет, понимаем мы его или нет. Наш журнал в № 16 опубликовал такой же протест протест против ареста о. Дудко, как в № 15 против ареста о. Глеба Якунина. Разницы мы не делали.

Но отказаться от свободного обсуждения возникающих вопросов и проблем мы не можем, иначе мы предали бы то, что является единственным оправданием нашего эмигрантского бытия: свободную российскую прессу, задавленную на нашей родине.

РЕДАКЦИЯ.

ГОЛОС РУССКОГО ВЛАСОВЦА

Мировая экспансия интернационального коммунизма, возглавляемая советской шайкой, наконец находит почти всемирное осуждение.

Осуждение это принимает категорическую сущность. Вместо всяких эфемерных солтов и других безответственных соглашений, оно привело к интенсивному вооружению многих стран с намерением не только обуздать экспансию советчиков, но пресечь потенциальную возможность ее, путем разделения такой большой и мощной страны как Россия.

Россияне, первая жертва коммунизма, с 1917 года закабалены им и вынуждены работать и пополнять военные силы коммунизма, под гнетом неимоверного количества надсмотрщиков, сексотов, специальной полиции и всех членов компартии.

Используя экспансию немецких нацистов, россияне попытались объединиться во время 2-й мировой войны и в 1944 году под главенством русского патриота ген. А. А. Власова, но не встретили искреннего сочувствия и помощи, ни со стороны немецкого нацизма, ни со стороны победителей-союзников.

Однако созданный Комитет Освобождения России, его Пражский Манифест и начало воинских формирований россиян показал реальную угрозу свержения коммунистической кабалы собственными силами россиян. (Угроза эта была больше всего понята советчиками — даже после окончания войны СМЕРШ выискивал и вылавливал уже безоружных власовцев.)

Выявилась потенциальная возможность создания огромной добровольческой Русской Освободительной Армии — РОА, в количестве 10-12 миллионов! (См. книгу священника о. Киселева: «Облик ген. А. А. Власова»).

Сущность девиза Освободительного Движения Народов России — его Пражский Манифест. Он декларировал воссоздание правового строя и самоопределения освобожденных народов России вплоть до выделения.

Не мало есть россиян, неприемлющих этого параграфа Пражского Манифеста. Однако лучше жить нам, русским, в свободной и правовой собственно родине России, чем мыкать горе по многим странам мира. Природные богатства, трудолюбие и оборо-

носпособность русского народа безусловно обеспечат нормальную человеческую жизнь и прогресс благосостояния народа без коммунистических экспериментов на живых людях. Многие нерусские россияне, желающие выделения из состава России, в большинстве противники античеловеческой коммунистической системы жизни и ее экспериментов во всех деталях быта, опровергнутых практикой жизни.

В дореволюционной России большинству нерусских народов жилось привольнее и богаче, чем русскому крестьянству центральной России. И в настоящее время главный показатель благосостояния народа — его демография у русских хуже, чем у других россиян!

Теперь мы лелеем надежду, что мировая демократия пойдет навстречу русскому демократическому движению и поможет создать Русский Освободительный Комитет — Центр объединения многочисленных российских эмигрантов, который должен стать прибежищем всем подсоветским россиянам, как в мирное время, так, особенно, в случае войны. Такая акция не только углубит сопротивляемость и ненависть коммунистической кабале, но и возбудит доверие к намерениям союзных демократий и приведет к воссозданию мощной Русской Освободительной Армии — РОА.

РОА совместно с международными антикоммунистическими силами с меньшими усилиями и жертвами сметет логово мирового коммунизма!

Международная ненависть к советской экспансии часто называет ее ошибочно русской экспансией. В связи с этим многочисленная русская эмиграция не находит сочувствия, доверия и поддержки в свободных странах мира и парализует ее возможную чрезвычайную эффективность.

Без участия национальных русских вооруженных сил, борьба с цитаделью международного коммунизма будет или более кровопролитной или неуспешной.

Даже если наш голос не будет услышан — Бог в помощь всем участникам борьбы с международной заразой коммунизма, приносящей народам мира голод, нужду, страх и смерть всем инакомыслящим и особенно верящим в Бога!

Инж. П-полк. РОА К. Попов.

КРОНШТАДТ ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ

(По поводу статьи Н. А. Нефедова «Ольга Берггольц... Е. Евтушенко... К. Паустовский» в «Г.З.» № 15, 1979 г.)

То, что Ольга Берггольц в юности мечтала о «кожаной куртке», то, что Б. Корнилов был искренне архисоветским поэтом в общем-то не удивительно.

Пафос «революции» охватил тогда в 20-е — начале 30-х годов¹⁾ определенные и достаточно широкие слои городской молодежи, которая все действия большевиков во время гражданской войны, включая террор, воспринимала как должное, рассматривая самые отвратительные из них в лучшем случае как перегибы и отклонения от в общем-то правильного и даже единственно правильного пути ко всеобщему благу. Об этом очень хорошо написал Наум Коржавин:

«Мы видели мало, но значит немало,
Каким нам туманом глаза застлала,
С чего начиналось, чем бредило детство,
Какие мы сны получали в наследство...»

И жестокая экспроприаторская — антипредпринимательская и антикрестьянская политика коммунистической партии конца 20-х — начала 30-х г.г. находил в этих кругах оправдание и поддержку. Многие еще хорошо помнили голодные и холодные зимы больших замерзших городов, когда остатки сохранившегося имущества униженно выменивались на продтовары, поставляемые деревней. Жившие на «партмаксимум» были очень недовольны обогащением деревенского фермерства и подъемом городского предпринимательства в эпоху НЭПа и с энтузиазмом встретили «прикрытие лавочек», государственную индустриализацию и коллективизацию «любой ценой». Эта эпоха действительно создала своих энтузиастов, своих искренних певцов и поэтов. Ужас охватил их только во второй половине 30-х годов, когда прославленный ими большевистский «красный» террор обрушился на них самих, на «своих».

Что значит «спившийся поэт Корнилов»?

Не исключено, что автор жизнерадостных сопесен и запил перед арестом. Важнее другое. Согласно материалам Самиздата, в лагере Борис Корнилов отрубил себе топором кисть руки, демонстративно швырнул ее в лицо оперу²⁾, запрещавшему ему

писать, и был за это расстрелян. Если так, то это был его Кронштадт.

Ольга Берггольц, советский писатель-комиссар, поэтесса-политрук сочинений своего кумира Ленина и других «великих основоположников великого учения», пылящихся на полках парткабинетов, по крайней мере, до последних лет своей жизни не читала. А если бы прочитала внимательно и не предвзято, то нашла бы там перлы и похлеще процитированных г-ном Н. А. Нефедовым. То же относится к множеству журналистов и писателей — советских, не-советских, и некоторых антисоветских (т.е. антикоммунистических), диссидентов и кагебистов, советских преподавателей «научного коммунизма» и западных советологов, партработников разных рангов правящих компартий СССР и других коммунистических стран и партийных функционеров западных компартий, которые ни Ленина, ни других «основоположников», ни открыто опубликованных документов истории СССР и КПСС так не считают, а представляют себе «с чужого голоса», пользуясь привычными стереотипами.

Тот факт, что Ольга Берггольц вышла из тюрьмы всего лишь через полтора года после ареста и была восстановлена во всех правах, показывает только, что она, несмотря на все ухищрения ежовских заплочных дел мастеров, не созналась в предъявленных ей обвинениях, куда более страшных, чем ЧСИР³⁾. Для последних-то и допрос — пустая трата времени. Достаточно из ЗАГСА справку затребовать, чтобы все оформить. Когда Берия сменил Ежова и массовый террор был заменен на выборочный,⁴⁾ многие арестованные, не подписавшие «признаний», были освобождены. Другое дело, что подписавшие и ЧСИРы были оставлены за немногими исключениями гнить в лагерях. В то время «ежовщина» не скомпрометировала ни Ленина, ни коммунистическую идеологию, ни ВКП(б), ни Сталина в глазах огромного большинства их оставшихся на свободе и вышедших на свободу приверженцев; тем более, что и сам Ежов, и почти весь состав НКВД 1935-1938 годов были уничтожены. Когда советская

¹⁾ Подобные ситуации, характерные для начального периода восторжествовавшей тирании, не раз встречаются в истории различных эпох и народов. Последний пример — Иран 1979 г.

²⁾ Оперативный уполномоченный НКВД, (МГБ, КГБ) в лагере.

³⁾ Член семьи изменника родины.

⁴⁾ Причины этой «смены караула» достаточно убедительно рассмотрены Р. Конквестом в книге «Большой террор».

Россия, молча проглотившая сталинский договор о дружбе с нацистской Германией, тем не менее оказалась втянутой во 2-ую мировую войну, в широких слоях ее русского и нерусского населения, включая и пострадавших от коммунистического режима, действительно имел место значительный подъем патриотических чувств; тем более, что нацисты в начале войны не заботились о приемлемой для народов России альтернативе большевизму, а в конце ее это уже не имело никакого значения.

Времена прозрения, и то частичного, пришли гораздо позднее.

Разоблачения на XX и XXII съездах касались только злодеяний Сталина в отношении членов его партмафии. Об остальных десятках миллионов убитых и замученных с октября 1917 г. вопрос вообще не ставился. А противопоставленный ликвидируемому «культу личности» Сталина, партийный стереотип Ленина — «мудрейшего», «справедливейшего», «гуманнейшего» — был поднят еще выше. Ход Хрущева и его окружения на первых порах оказался успешным; ибо люди, способные сознательно вспоминать Ленина и ЧК «не иначе, как с проклятьем», успели в России почти все повымереть, в то время как сталинские дела, в особенности последнего, послевоенного периода, были свежи в памяти миллионов.

В период «оттепелей» Ольга Берггольц продолжает воспевать Ленина, мировую революцию и коммунизм. Видимо, ею подразумевался коммунизм «хороший», «с человеческим лицом», как говорят современные еврокоммунисты. В реальной возможности такого, она, повидимому, не сомневалась. Но тогда же в «Новом мире» и др. изданиях был ею опубликован ряд произведений, свидетельствующих об отходе от ортодоксальных идеологических позиций.

По словам многих знавших ее ленинградцев, в последние годы жизни она сама много пила. Вскоре после ее смерти в Самиздате появилось следующее, приписываемое ей, стихотворение:

ПОСМЕРТНОЕ

Нет, не по книгам нашим скудным,
Подобью нищенской сумы,
Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы,
Как мы любили, горько, грубо,
Как обманулись мы, любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.
Но в тесноте бессонных камер,
И дни, и ночи напролет,

Без слов, разбитыми губами
Шептали: «Родина, Народ».
Как находили оправданье
Жестокое матери своей,
На бесполезные страданья
Пославшей лучших сыновей.
О, дни позора и печали!
О, неужели даже мы
Людской тоски не исчерпали
В бездомных копиях Колымы?..
А те, кто вырвались случайно,
Осуждены еще страшной
На беспросветное молчанье,
На недоверие друзей.
И ежедневно, ежечасно
Трудясь, страшились мы тюрьмы.
И не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы.
За образ, призрачный, любимый,
За обманувшую навек
Пески монгольские прошли мы
И падали на финский снег.
Но наши цепи и вериги
Она воспеть нам не дала.
И равнодушны наши книги,
И трижды лживы их хвала.
И, если скорченный от боли,
Вы этот стих найдете вдруг,
Как от костра в пустынном поле
Обугленный и мертвый круг,
И, если жгучего преданья
До вас дойдет холодный дым,
Ну, что ж, почтите нас молчаньем
Как мы, встречая вас, молчим.

Поэтический стиль этого стихотворения очень схож со стилем Ольги Берггольц, но это еще не юридическое доказательство ее авторства. Тем не менее, если оно написано и не ею, а кем-то из друзей-поэтов, знавших ее и ее настроения в последние годы ее жизни, и пущено в Самиздат им под ее именем, суть дела от этого не меняется: писатель-политрук, идейный коммунист Ольга Берггольц тоже успела в конце жизненного пути придти к своему Кронштадту.

С. Т.

Главный редактор: В. Пирожкова
Verantwortlich für den Inhalt:
V. Piroshkova

Адрес редакции: Dr. Vera Piroscow
Einsteinstr. 104/III
D-8000 Munchen 80
W. Germany
BR Deutschland

Банковский счет —
Банк: Hypotheken- und Wechselbank
8 Munchen, Konto Nr. 2760094318

Напечатано в Русском Национальном
Издательстве «ГЛОБУС»
Сан Франциско, Калифорния, С.Ш.А.
GLOBUS PUBLISHERS P. O. Box 27086,
San Francisco, California 94127 U.S.A.
